

ВАЛЕНТИН И НАТАЛЬЯ
САРАФАНОВЫ

**ТАЛИСМАН
ДЛЯ
ГЕРОЯ**

**Валентин Сарафанов
Наталья Сарафанова
Талисман для
героя. Фантастика.
Альтернативная история**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412957
ISBN 9785449035318*

Аннотация

Хотите попасть в СССР? Шанс есть у каждого. Но выпадает он неожиданно-негаданно. Валерий Назаров попадает в СССР при осмотре заброшенного цеха советского производственного комплекса. Попадает в другой мир, где Страна Советов не только сохранилась, но и обрела величайшую мощь. Здесь фантастические технологии и высокий уровень жизни. Вперед к приключениям в этой стране!

Содержание

Глава 1	5
ЗАВОД	5
Глава 2	24
ТАНКИ	24
Глава 3	41
ЦЕНТР ПСИХИЧЕСКОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ НАЦИИ	41
Глава 4	54
СТРОИТЬСЯ, ТОВАРИЩИ СУМАСШЕДШИЕ!	54
Глава 5	69
НАШ ПУТЬ НА ЗАПАД	69
Глава 6	85
ЛЕНИНГРАД – ПИТЕР – СЕРТОЛОВО	85
Глава 7	98
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ	98
Глава 8	116
ОРУЖИЕ И СТРЕЛЬБЫ	116
Глава 9	130
ПОЛКОВНИК ЗВЕРЕВ	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

**Талисман для героя
Фантастика.
Альтернативная история**

**Валентин Сарафанов
Наталья Сарафанова**

Дизайнер обложки Валентин Сарафанов

© Валентин Сарафанов, 2018

© Наталья Сарафанова, 2018

© Валентин Сарафанов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3531-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ЗАВОД

Не все персонажи и события вымышлены. Не все совпадения с реально живущими и жившими людьми случайны.

* * *

Яркий свет выхватывает из темноты стену из бревен. Дверь распаивается. Входит десяток солдат с автоматами.

Конвой хватает нас и тащит к стене. На ней бурые пятна высохшей крови и следы от пуль.

Страха нет. Лишь злость на себя самого.

И черт же меня дернул поехать тогда на этот завод.

В тот день третьего июня две тысячи тринадцатого года я возвращался с озер Хакасии. Мне нравилось проводить там свои выходные летом.

Пустая дорога стелилась перед моим авто. Холмистая степь с редкими перелесками еще хранила в себе прохладу ночи. Древние курганы спали вечным сном. Над ними кружил одинокий коршун.

В салоне звучало «Авторадио».

*Там на самом на краю земли
В небывалой голубой дали..*

Песня группы «Пикник» полилась из динамиков в тот момент, когда дорога взлетела на взгорок, и с его высоты открылся великолепный вид на Красноярское море. Там за ним до самого горизонта волнами застыли горы. Вековая тайга накрывала их темным одеялом.

Резкий сигнал мобильного нарушил гармонию звуков и красок.

Звонил мой партнер по бизнесу Юра Мельников.

– Валера! Ты где?! – заголосил он истошно без каких-либо приветствий. – Не могу тебя второй день достать. Зачем мобилу выключаешь то?! Опять с озер возвращаешься?

– Ты же знаешь – я всегда вырубая телефон на отдыхе, – ответил я. – Ну, что там у тебя? Докладывай уже. Снова дело на миллионы?

– Так точно! Я уже аванс срубил!

– И что за дело? – поинтересовался я.

– У людей стопор с разрешением на строительство. Причину не знаю. Может конкуренты постарались, или что ещё. Но я их убедил, что мы им непременно поможем. Они встретят тебя у входа в администрацию района, там, где у тебя хороший знакомый заместитель главы по капитальному строительству. Ну, ты понял. Езжай и смело в бой! В десять ровно

ты там.

– Ну вот, здрасьте! – возмутился я. – Причин не знаешь, а уже убедил? Я ж не господь – бог, чтобы вот так просто с налета решать. Встреча в десять? Да? Уже через три часа?! Это же только на дорогу время, а я не в должной форме. На мне из одежды – шорты, майка, да кроссовки. Мне бы переодеться.

– Да будь ты хоть голый, но реши! – завопил Юра. – Пятьсот тысяч баксов! Пятьсот! Такого у нас еще не было! Очень крупная рыба на крючке! Сразу же выкладывают на блюдечке, если решишь! Аванс в сотню тысяч уже у меня! Я морально не смогу с ним расстаться. Прилип к рукам намертво. Умоляю! Я верю в тебя!

– Пятьсот тысяч зеленою? Ты ничего не попутал? Нет? Так бы сразу и сказал. Базаришь много, – проворчал я. – Все понял. Не дрейфь! Буду на месте вовремя. Все! Отбой связи!

Бросив мобильник на сиденье, резко втопил педаль газа. Километры на скорости пролетали мимо, как пули у виска. Пятьсот тысяч баксов – это хорошо! Это не рыба даже на крючке. Это целый кит на гарпуне!

Нарастающее вдохновение окрыляло, уверенность в том, что все получится – возрастала. Успею ко встрече вовремя и обязательно применю весь свой талант и опыт.

С Юрой Мельниковым мы уже не один год крутили неплохие дела. Помогали хорошим людям решать вопросы в строительстве объектов недвижимости – жилых домов, магази-

нов, производственных цехов и прочих всяких разных зданий и сооружений. Юра находил клиентов, а я решал, поставленные задачи.

Подобного рода услуги приносили хорошие деньги. Но кроме денег меня привлекала в этом деле возможность крепко зацепить клиента на крючок и получить от него заказ на проектные разработки, где я, как архитектор, в полной мере раскрывал свой творческий потенциал.

На хлеб с маслом хватало.

Но пятьсот тысяч баксов! Это... ну... ооочень крупный улов.

Интересно, в чем там проблема на этот раз?

* * *

Я успел! На место прибыл за пять минут до назначенного времени.

Знакомая площадь. Здание районной администрации в три этажа. Посреди площади гипсовый памятник Ленину, покрытый бронзовой краской. Правая рука устремлена вперед. Пальцы отбиты по чьей-то злобной воле еще в лихие девяностые. Вместо пальцев торчит ржавая проволока. Ленин с такой рукой напоминает Крюгера из фильма «Кошмар на улице вязов».

Выхожу из машины. Возле входа в администрацию топчутся двое в строгих деловых костюмах. Один из них коре-

настый, другой высокий, как баскетболист.

Смотрят мимо меня. Подхожу к ним.

– Здравствуйте. Вы не меня ждете? Я от Юры Мельникова.

Оба недоуменно окидывают меня взглядом. Судя по всему, мой вид им не внушает доверия.

– Назаров Валерий Викторович? – недоверчиво спрашивает коренастый. Его цепкие темные глаза буравят меня, подобно сверлам перфораторной дрели. Второй – высокий и худощавый пренебрежительно усмехнулся.

– Он самый, – отвечаю. – За мой видок извините. Только, что с дороги. Но, как гласит пословица – встречают по одежке, а провожают, вы сами знаете как. Уверен, что для вас важен результат, а не процесс. Не так ли? Что у вас за проблема? Кстати, мне к вам как обращаться?

– Геннадий Шотович Буров, – представился коренастый.

– Углов Сергей Владимирович, – назвалса высокий.

Рукопожатия с их стороны были вялыми.

– Нам необходимо срочно получить разрешение на строительство Енисейского завода металлосплавов, – начал вводить меня в курс дела Буров. – Я руководитель дирекции стройки. Господин Углов представитель заказчика. Стройка намечена на территории бывшего Сибирского машиностроительного комплекса. Наша фирма выкупила там самый большой цех. Мы уже сейчас готовы начать стройку, но местная администрация тормозит с выдачей соответствующих

документов. Вас рекомендовали, как человека, который может все.

– Все может только господь бог, – усмехнулся я. – У вас есть проект завода?

– Так точно, – по-военному отрапортовал Буров.

– Экспертизу прошел?

– Да.

– Хорошо. Вы подали заявление на выдачу разрешения на строительство?

– Да. Но нам отказали.

– Причина?

– Объясняют протестами граждан. Дескать, наш завод очень грязный, и местное население опасается за свое здоровье. Даже лозунг придумали «Яд-завод».

– Слышал об этих протестах. Но протесты граждан не являются основанием для отказа в выдаче разрешения на строительство в порядке, предусмотренном статьёй 51 Градостроительного кодекса.

– Для официального отказа у нас откопали нарушения в оформлении градостроительных планов. Там что-то где-то буквы и цифры не те и не так стоят, – пояснил Буров.

– Понятно. А что, этот ваш завод на самом деле весь такой насмерть ядовитый?

– Никак нет! Это абсолютно экологически чистый проект.

– Геннадий Шотович, – вступил в разговор Углов. – По моему, мы не туда обратились за помощью. Все вопросы

и рассуждения этого товарища не имеют никакого отношения к решению задачи. Предлагаю закончить этот беспредметный разговор.

– Закончить? И что ты предлагаешь?! – вскипел Буров. – Снова обращаться выше? И снова, как об стенку горох! Выше здесь у них ничего не решают.

– Но и этот гражданин я уверен ничего не решит, – парировал Углов. – Только время теряем.

– Мы уже кучу времени потеряли здесь! Нам остается теперь только на чудо надеяться, – процедил Буров.

– И это чудо явилось к нам. Вот оно, – иронично усмехается Углов.

– В общем, так господа – товарищи, – жестко прерываю их полемику. – Если желаете результата, то слушайте сюда. Сейчас мы пойдем в кабинет. Разговор буду вести я. Ваша задача – молчать и кивать.

Они устали на меня, раскрыв рты.

– Если вас не устраивает такая установка, мы расходимся, как в море корабли, – добавляю я.

– Подождите, – остановил меня Буров. – Извините. Нервы ни к черту. Сами понимаете. Мы не местные, и не совсем ориентируемся в здешних правилах. С нас руководство грозит головы снять, требует сроки ввода еще вчера, а тут такое творится. Полный бардак и беспредел. Наши инвесторы уже готовы пойти на самые крайние меры. Но это плохой вариант. Очень плохой для всех. В общем, последняя надежда

на вас, как на чудо. Действуйте, как посчитаете нужным.

– Другое дело, – кивнул я. – Пошли.

Вошли в здание администрации. Бывал я здесь частенько. Свой тут, можно сказать. Киваю охраннику. Сегодня Вова дежурит. Этакий громила с добрым лицом. В ответ приветливо улыбается мне.

– Это со мной, – поясняю.

– Проходите, Валерий Викторович, – открывает передо мною рамку.

Поднимаемся по лестнице.

Коридор. Дверь в приемную.

– Добрый день Леночка, – расплываюсь в голливудской улыбке и кладу на стол молодой секретарше заготовленную заранее шоколадку. – Шеф у себя?

– Для вас он всегда у себя, Валерий Викторович, – цветет и пахнет та. – Проходите, пожалуйста.

Ловлю на себе удивленные взгляды Бурова и Углова.

Заходим.

Первый заместитель главы администрации Урушев Степан Петрович сидит за столом и что-то пишет. При виде меня тут же встал и приветливо распахнул руки.

– Валера! Всегда рад тебе! Как тебя вижу, так будто твой дед передо мною молодой. Как же ты на него похож! Тот же светлый взгляд. Та же открытая улыбка. Будь как дома! Эти люди с тобой? Да? Заходите, товарищи! Располагайтесь!

Степан Петрович Урушев считал себя учеником моего де-

да по партийной линии еще в советские времена. Будучи аппаратным работником уже в современных административных структурах, Степан Петрович сохранил в себе в полной мере ту огненную искру, которая разжигала пламя в мартовских печах и космических кораблях великой страны, ушедшей в прошлое.

Но ушедшей ли?

Она все еще здесь. Эта страна СССР осталась в людях. Она звучит во мне. Мой дед передал мне её великую энергию.

Он мастерски рисовал. Виртуозно играл на гитаре и пел. Он был воином, прошедшим путь от Москвы до Берлина.

Дед передал мне свой творческий всепобеждающий дух. Земля ему пухом.

* * *

Чай на столе. Печенье. Обстановка, располагает к беседе. Вводная часть разговора миновала. Говорил я. Буров и Углов молчали, как было условлено.

– Я понял тебя Валера, – кивает Степан Петрович. – Но дела такие, что кто-то подогревает народ и этот кто-то очень не хочет, чтобы этот завод тут был. Уже два многотысячных митинга прошли. Мы даже не знаем, как тут быть.

– Очень просто, – отвечаю. – Надо показать людям, что их ждет, если завод будет построен. Надо нарисовать картину

будущего. Вы же бывший коммунист, Степан Петрович. Вы всегда звали людей за собой. Хотя почему бывший? Бывших коммунистов не бывает, если это истинный коммунист, а вы истинный коммунист.

– Да, да, – соглашается Урушев. – Я навечно коммунист и никогда не предаю эти идеалы.

– Истинный коммунист работает на благо страны и народа, – продолжаю я. – Необходимо дать понять обеспокоенным гражданам, что данный высокотехнологичный завод станет благом не только для них самих, но и для их детей, внуков и даже правнуков. Ведь в действительности этот завод с большой буквы даст тысячи и тысячи рабочих мест, необходимые нашему региону поступления налогов в краевую казну, и мало того, завод станет образцом мировой промышленной архитектуры. Как сейчас, я уже вижу его корпус из лучших строительных материалов, вижу завод-сад, по сути своей, среди зеленых газонов, красочных цветов и веселых фонтанов. Готов сам лично изобразить всеми средствами современной графики, каким он предстанет перед нами в недалеком будущем во всем своем великолепии. В довершение ко всему этому сделаю панорамный анимационный фильм с высоты птичьего полета. Надо будет запустить этот фильм на всех телевизионных каналах. И это будет потрясающе! Уверен, народ сам потребует строительства завода. Степан Петрович, вы же коммунист! Вы же всегда сами вели народ к светлому будущему, и он шел за ва-

ми. И сейчас мы должны снова повести народ за собой, а не какие-то там ничтожные противники строительства завода и всего промышленного развития нашей страны. Мы должны, немедленно, взять инициативу в свои руки.

– Прекрасно! – восторженно воскликнул Степан Петрович. – Будто твой дед через тебя говорит!

– Разговоров мало, – сказал, как отрезал я. – Картина картиной, но уже сейчас, сегодня, немедленно мы должны показать всем, что даст завод краю, городу и району. Уже сейчас дирекция завода должна профинансировать и оказать добровольную благотворительную помощь на благоустройство улиц райцентра. Люди уже завтра должны видеть реальный результат. Готовы профинансировать?

Поворачиваю голову в сторону Бурова и Углова. Они смотрят на меня, как на инопланетянина.

– Готовы? – спрашиваю.

В ответ оба дружно кивают.

– Они готовы, – утвердительно говорю я. – И еще. Надо обязательно заменить памятник Ленину на бронзовый. Тот, что сейчас стоит на площади – позор! Это не памятник. Это издевательство над памятью предков. Наши противники должны видеть, что идеи Ленина живы, и позволю себе продекламировать бессмертные стихи Степана Щипачева.

*Полковник крепко этой ночью спал,
А на рассвете задрожал от страха,*

*Как прежде памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха!*

– Валера! Валера! – воскликнул Степан Петрович. Голос его дрогнул. Он рванулся из-за стола и ринулся ко мне с объятьями. – Валера! Ты мне сегодня словно новую жизнь дал! Я вновь почувствовал себя полным созидательных сил, как в те времена на стройках пятилетки. Товарищи! С такой молодежью, как Валера, я уверен в светлом будущем нашей страны. Товарищи, извините за задержку документов. Я сейчас.

Он расторопно идет к телефону. Снимает трубку.

– Рукоусев! Немедленно выдать разрешение на строительство Енисейского металлосплавного завода! Немедленно! Почему только завтра? Работница на больничном? Хорошо. Завтра. Но, ни днем позже. И сам лично отвезешь в дирекцию завода. Лично. Ты меня понял? Доложишь.

Положил трубку.

– Вот и все товарищи. В добрый путь.

Буров и Углов тупо сидят не двигаясь.

– Спасибо, Степан Петрович, – я крепко жму ему руку.

– Куда перечислить деньги на благоустройство и памятник Ленину? – робко подал голос Буров. – Сколько надо денег?

– Сколько не жалко, – отвечает Урушев. – Товарищи, я уверен, что вы очень серьезные люди и сами определите размер необходимой суммы. Номер банковского счета вам при-

везет товарищ Рукусуев вместе с документами.

Встреча заканчивается крепкими рукопожатиями.

– Заходи Валера почаще! – кричит мне вслед Урушев. – Ты, как луч света!

Выходим.

– До свидания Леночка.

– Удачи вам Валерий Викторович.

Спускаемся по лестнице.

– Пока, Вова.

– И вам всех благ, Валерий Викторович.

Выходим на крыльцо.

– Это было потрясающе! – восторженно восклицает Буров.

– Извините меня, пожалуйста, за мою изначальную бестактность, товарищ Назаров, – виновато произносит Углов.

– Все хорошо, – киваю я. – Обещанную сумму передадите моему компаньону.

– Да, да, конечно! – кивает Буров. – Но я надеюсь, что мы расстанемся не навсегда. Вы ведь хотели продолжить сотрудничество и нарисовать нам красивые картины нашего будущего. За отдельную плату, разумеется.

– Хотел, – соглашаюсь. – Мне даже интересно это сделать.

– Тогда добро пожаловать проехать с нами. Мы вам покажем место нашей стройки. Вы должны это увидеть. Там все и обговорим. По правде сказать, нам необходим такой высококлассный специалист, как вы. Мы готовы обсудить усло-

вия постоянного сотрудничества. Мы готовы взять вас на работу.

– Постоянного сотрудничества? – переспросил я. – Предпочитаю быть вольной птицей. Да и с дороги устал. Может мне лучше завтра к вам?

– На заводе там у нас отдохнете. У нас уже все условия созданы для полноценного отдыха. Не пожалеете, – настаивал Буров. Углов кивал.

Я пожал плечами. Сказать по правде, у меня давно было желание посмотреть, что стало с гигантской стройкой века советских времен. Что там сейчас?

– А поехали, – махнул рукой.

– Отлично! Держитесь за нами! – обрадовался Буров и направился к белому Ленд Крузеру.

Сажусь в свою машину. Еду за Крузаком. Настроение приподнятое.

Выезжаем из поселка на трассу. Через некоторое время по развязке сворачиваем налево и катим по северному обходу города. Кругом поля с перелесками. Дачные домики. Красота!

Через бортовой компьютер нахожу информацию о Сибирском машиностроительном комплексе. Читаю, время от времени отрывая взгляд на дорогу.

...строился как самый крупный комплекс тяжелого машиностроения в СССР. Проект завода разрабатывали 25 институтов.

Во время строительства были впервые отработаны многие технологические процессы, которые в будущем приняты на вооружение при возведении других объектов. Оснащался самой передовой зарубежной техникой, включая станки из Японии, Голландии и Швейцарии. Персонал проходил длительные стажировки на предприятиях других стран. На момент сдачи в эксплуатацию завод был самым современным предприятием машиностроения в СССР.

Общая площадь комплекса под крышей 830 тысяч квадратных метров.

От города специально ходила электричка до территории комплекса.

Производилась тяжелая техника для работы в карьерах. По слухам имелась подземная сборочная линия для производства танков.

В 1994г. комплекс был приватизирован, большая часть цехов брошена...

*** * ***

Катим по гладкой трассе с разделительной полосой. Еще пара-тройка километров, и затем сворот направо. Колеса затряслись на жестких выбоинах. Дорога здесь видно не ремонтировалась с прошлого столетия. Мы разминулись со встречным одиноким стареньким грузовичком, как бы вынырнувшим из советского времени, и медленно покати-

ли через кочки и рытвины далее. По сторонам дороги раскинулись пустыри с чахлой травой. Вскоре справа потянулся высокий бетонный забор, а затем наш путь перечеркнул шлагбаум. За ним вдали прорисовался прямоугольный силуэт громадного сооружения. Это был один из цехов. Левее громоздился еще цех, затем еще и еще... Эти чудовищные по размерам сооружения ломали горизонт. Несколько высоких труб пронзали небо.

Шлагбаум приподнялся, и мы покатали дальше, уже по территории комплекса. По сторонам тянулся поросший бурьяном пустырь. Громада цеха надвигалась на нас, расплзаясь вширь, и нарастая в высоту. Люди в этом пейзаже отсутствовали. У меня возникло ощущение, что мы попали на территорию сюжета постапокалиптической фантастики с видами гигантских останков погибшей цивилизации. Повсюду царило запустение.

Доехали до одного из цехов. Он закрыл собой половину неба.

Проехали мимо.

Миновали еще пару гигантских сооружений и, наконец, добрались до места.

Затормозили рядом с огромным цехом.

Буров вышел из Крузака. Углов остался в машине. Я тоже покинул автомобиль и остановился. Цех подавлял своей массой.

– И сколько же он в размерах? – невольно вырвался у меня

вопрос.

– Более чем полкилометра на двести пятьдесят метров, – гордо ответил Буров. – Пока нам готовится стол, я проведу для вас короткую экскурсию. А потом мы отдохнем и поговорим заодно. Прошу.

Подобно Ленину с пьедестала он показывает рукой на широкую черную пасть ворот в стене цеха. Из них веяло запахами железа, электросварки и холодом. Я зябко повел плечами, шагнул в ворота и окунулся в ледяной полумрак. Странно. На дворе лето в разгаре, а здесь внутри – сама зима затаилась. Взор мой утонул в сумрачном пространстве, наполненном циклопическими конструкциями из металла, зигзагами крутых железных лестниц, ведущих куда-то вверх, эстакадами и нагромождениями непонятных форм под высокой кровлей.

Далеко в темной глубине, что-то искрило, натужно вылом мотор какого-то механизма, откуда-то доносился металлический лязг, волнами эха гуляющий под высокими фермами перекрытий.

Я невольно ощутил себя мурашом в логове огромного чудовища.

– Разбираем ненужные конструкции и старое оборудование, – пояснил Буров, оглядываясь. – Не отставайте. Здесь легко заблудиться. Осторожно.

Да уж. Шагать надо было осторожно. В пыльном бетонном полу чернели широкие прямоугольные проемы. На ходу

из любопытства заглянул в один из них и за густой теменью в нем не разглядел дна.

– Здесь будут энергетические установки, – Буров остановился и широко развел руками. – Это самый высокий пролет цеха. Сейчас мы заберемся наверх. Поднимайтесь за мной.

Карабкаемся по лестнице, плотно обвивающей стальными маршами объемную колонну. Ступени ржавые, перила тоже, впрочем, как и все вокруг. Под ладонями жесткий порошок коррозии.

После лестницы узкая эстакада. С нее сквозь чехарду стальных конструкций едва просматривается нижний уровень цеха. Сверху же через пыльное остекление световых фонарей на кровле пробивались тусклые дневные лучи.

Идем дальше и попадаем в помещение с чередой нагромождений из объемных металлических коробов. Под ними электродвигатели величиною с бочки. Рядом с ними непонятные для меня конструкции. Металлический пол гудит под шагами, и этот гул разносится далеко вперед, туда, где густой сумрак глотает гротескно-чудовищные формы всего этого интерьера.

– Это все уберем, – разводит руками Буров. – Здесь будет другое оборудование.

Он загадочно смотрит на меня.

– Что за оборудование? – заинтересовался я.

Буров не успел ответить. Где-то далеко внизу, что-то оглушительно жажнуло. По металлу конструкций пошло гулять

долгое эхо, а затем трянуло так, что подкосились ноги, и я, откинувшись назад, ощутило приложился затылком обо что-то твердое.

В глазах поплыло.

Глава 2

ТАНКИ

Сознания от удара я не потерял. Мой взгляд некоторое время блуждал среди сумрачных пространств под высокими стальными перекрытиями.

Поднялся, отряхнулся.

Что это было? Землетрясение? Авария?

Прикладываю ладонь к затылку. Пальцы нащупывают крупную шишку, но крови нет. Это хорошо.

А где мой попугачик?

– Буров! Вы где?!

Осмотрелся по сторонам. Никого. Странно.

– Геннадий Шотович!

Прислушался. Тишина звенела в ушах.

Что за черт! Куда все подевались? Работа по разборке конструкций и та прекратилась.

«Не слышны в саду даже шорохи», – пришла на ум известная песня из советских времен.

Нехорошая мысль ударила в голову – вдруг обворовали?! Схватился за карман на шортах. Фуу... отпустило – все на месте.

Пора искать выход.

Побрел в обратном направлении.

Шаги по железу гулко разносятся в тишине. Тусклый свет, падающий откуда-то сверху, путается во мраке. Пару раз пришлось пробираться почти на ощупь.

Добрался да лестницы. Очень хорошо! Сейчас спущусь вниз, а там и до выхода из цеха недалеко.

Спустился. Прошел немного и наткнулся на железную дверь. Из-под нее пробивался свет.

Толкнул плечом.

Дверь распахнулась. За ней меня встречает небо и солнце. Зажмурился от яркого света, а когда открыл глаза – увидел танки. Множество танков. Сотни. Они стояли предо мною ровными рядами железной фаланги.

Оторопел.

Откуда они здесь?

Танки вызывали невольное восхищение мощью и совершенством своих форм. В них проявлялась жуткая сила зверя, готового порвать все на своем пути. Сама смерть взидала на меня темнотой глазниц стволов, пряталась под тяжестью широких гусениц, и чернотой брони.

В свое время я отбывал срочную службу в мотострелковой части и с различной военной техникой был знаком не понаслышке. Но такой еще не встречал.

За спиной послышался протяжный скрип. Оглянулся. Дверь, через которую я выбрался на белый свет из цеха, закрылась сама собой. Потянул на себя, но она не поддалась.

Похоже – защелкнулся замок. Все. Путь назад отрезан.

И куда мне теперь? Меня явно занесло на какой-то военный объект, а развал завода, оставшийся с советских времен – его прикрытие. Надо выход искать пока охрана не сцапала. Хотя мне скрывать нечего. Документы при мне. Я честный гражданин России. Пришел на экскурсию по приглашению. Тряхнуло, упал, ударился головой, очнулся – никого вокруг и тишина.

Пошел вдоль первого ряда танков. По ходу коснулся одной из машин. Ладонь ощутила холод металла, покрытого каким-то веществом. На краску не похоже. Скорее напоминает тонкий слой шершавого пластика.

Так незаметно для себя прошел с пару сотен шагов. Конца и края этого танкового строя не было видно. Резкий лязгающий звук прервал мое передвижение. Справа открылся широченный проем в стене цеха. Из него с металлическим грохотом вырвался танк и покатил на меня.

Едва успеваю отскочить в сторону.

Танк промчался мимо.

Не могу сдержать любопытства, направляюсь к проему и заглядываю в него. Не верю своим глазам, застываю столбом.

Предо мною фантастическое зрелище. Здесь под высокими пролетами ферм огромного цеха, границы которого теряются где-то вдали, происходит сборка этих самых машин. Работает гигантский конвейер. Процесс полностью автома-

тизирован. Тщетно пытаюсь разглядеть людей среди сполохов сварки и роя шевелящихся здесь и там различных механизмов. В цехе безраздельно властвует холодная точность автоматов и выверенная до долей секунды временная последовательность процессов.

– Стоять! Кто такой!?! – раздался окрик за спиной.

Оглядываюсь.

В нескольких шагах от себя вижу двух индивидов. Будто из-под земли выросли. Крепкого сложения в камуфляжной форме они не вызывают во мне положительных эмоций. Сообразил – это охранники и не нашел ничего лучшего, как ляпнуть первое, что пришло на ум:

– Здравствуйте вам. Заблудился вот.

– Ты нам голову не морочь! – свирепый вид и грозный голос индивида с погонами лейтенанта на плечах не предвещал мне ничего хорошего. – Как попал сюда?

– Да черт попутал, наверное, – сокрушенно вздохнул я.

– Какой черт! Ты что несешь!

– Я все объясню. Меня пригласили на завод. Пришел на экскурсию. Тряхнуло, упал, очнулся – гипс..., тьфу блин, шишка на голове. Вот посмотрите, сами убедитесь.

– Паспорт!

– Что? Не понял.

– Паспорт предъяви!

– Паспорт? Сейчас. Вот, держите.

Я запустил ладонь в задний карман на шортах и достал

паспорт. Лейтенант раскрыл его, некоторое время пристально всматривался в первую страницу, затем стал перелистывать. Исследование документа продолжалось примерно с минуту. Меж тем его напарник с лычками сержанта на погонах внимательно изучал меня суровым взглядом.

– Что за паспорт такой? – тупо спросил лейтенант.

– Обыкновенный, российский, – пожав плечами, ответил я. – А разве, что-то не так?

– Все не так. Пройдемте.

– Что не так? – возмутился я. – Там же все написано. А на завод меня пригласил товарищ Буров. Разве вы такого не знаете?

– Сообщник? Разберемся, – отрывисто, будто пролаял лейтенант.

– Какой сообщник? Я его первый раз увидел! Вы уточните. Буров Геннадий Шотович.

– Сначала с тобой разберемся.

– Только не вздумай бежать, – предупредил сержант и недвусмысленно поправил ремень автомата на правом плече.

Я отчетливо понял, что спорить с этими двумя биороботами – себя не уважать. Объяснять им что-либо бесполезно. Надо разговаривать с их начальством.

– Обыскать задержанного! – приказал лейтенант.

Сержант с рвением бросился выворачивать мои карманы. Изъял все – бумажник, ключи от квартиры, мобильный теле-

фон, сорвал с шеи цепочку с моим талисманом, а затем ловким движением руки выхватил откуда-то из-за спины черный мешок и накинул мне на голову. Упаковал, так сказать.

– Спокойно. Не дергайся, – предупредил он.

Охранники подхватили меня под руки и повели куда-то.

Вели долго. Слышно было, как перед нами лязгают металлические двери.

* * *

Мой талисман – медаль моего деда «За отвагу».

Дед мало рассказывал мне о войне. На все мои вопросы о ней отвечал неохотно и коротко. Я знал, что он был пехотинцем. Знал, что эта медаль была у него первой наградой за взятие безымянной высоты возле поселка, название которого он сам не помнил.

По словам деда, эту медаль вручил ему сам товарищ Жуков.

В одном из боев вражеская пуля ударила деду в грудь, но угодила прямым в эту медаль. Дед отделался большим синяком. Медаль спасла ему жизнь. После того случая он был уверен, что медаль, полученная им из рук самого товарища Жукова, оберегает от смерти и приносит удачу. Дед так и пронес эту медаль, покореженную безжалостным свинцом до самого Берлина.

У деда было еще много наград, но эту он считал самой

дорогой для себя.

В день, когда мне исполнилось шестнадцать, дед подозвал меня к себе и вложил мне медаль в руку.

– С днем рождения, внук! – поздравил он меня.

На следующий день его не стало. Остановилось сердце.

С того времени медаль всегда была со мной.

Теперь у меня её забрали.

* * *

Мы остановились. С головы сдернули мешок. Взору предстали четыре стены без окон, невысокий потолок с квадратным плоским светильником по центру, массивный стол из темного дерева и пара крепких стульев.

Мелкие детали обстановки этого помещения не отпечатались в тот миг в моем сознании. В большей степени мое внимание привлек человек, сидящий за столом. Имея на плечах погоны полковника, он был серьезен, обладал массивной челюстью и тяжелым мрачным взглядом.

Этот взгляд ударил по моим глазам, будто таран.

– Задержан в третьем секторе, товарищ полковник! – доложил лейтенант. – Предъявил это в качестве паспорта. А здесь остальное его барахло.

Сержант выложил на стол мои вещи.

– Ты как попал сюда? – спросил меня полковник и раскрыл паспорт.

– Через дверь, – не моргнув глазом, ответил я.

– И где эта дверь?

– Там где танки стоят. Товарищ полковник, я не хотел. Я случайно. Понимаю, что забрел на секретный объект. Но я не специально. Меня пригласили...

– Помолчи, – жестко произнес полковник, и занялся изучением паспорта. При этом его бульдожья челюсть все больше выпячивалась, а густые брови медленно, но верно ползли в направлении затылка.

Странно? Почему мой документ вызывает удивление?

Полковник отложил паспорт, раскрыл мой бумажник и вытряхнул на стол его содержимое. Наличных там было не много. Мятая тысяча, да несколько сторублевок. Деньги я предпочитал держать на карточке.

При виде денег у полковника отвисла челюсть.

– Это деньги, – на всякий случай решил пояснить я.

– Чьи деньги? – прохрипел полковник, разглядывая купюры одну за другой на просвет.

– Мои.

– Какой страны деньги?

– Как это какой? – ошарашено выдавил я. – Российские.

А что? Разве фальшивые?

Полковник потер ладонью лоб, затем двумя пальцами потянул за цепочку с медалью.

– А это что такое? Ты зачем награду Родины на цепь подвесил? И что ты с ней сделал? Зачем помял? Как ты посмел

глумиться над наградой, добытой кровью?

– Эта медаль спасла моего деда от пули, – пояснил я. – Мне дед эту медаль завещал. Верните мне её.

– Что ты мне тут сказки травишь! Пуля прощёт эту медаль и не заметит! Ты сам награду молотком помял, подонок.

– Может, какую и прощёт, а эту не прошила. Эту медаль моему деду сам товарищ Жуков вручил.

Полковник откинулся в кресле и некоторое время сидел неподвижно, сверля меня взглядом.

Я своего взгляда не отвел, выражая всем своим видом недоумение и возмущение.

– Тааак, – задумчиво произнес полковник. – Странный ты парень. На шпиона не похож. Настоящий шпион же не дурак. Он же не будет таскать с собою всю эту галиматью и ходить в таком виде. Золотарев, я правильно рассуждаю?

– Так точно товарищ полковник! – кивнул лейтенант, вытянувшись по стойке смирно. – Я тоже сразу обратил внимание на его странный вид в этих драных трусах.

– Это не трусы! – возмутился я. – Это фирменные итальянские шорты! А мой вид это имидж настоящего творческого человека!

Наступило недолгое молчание.

– Мда, – промычал полковник. – Я всегда был против свободного применения копировальной техники. Раньше, когда всё регистрировалось вплоть до печатных машинок, такого идиотизма не наблюдалось. А теперь волю дали. Вот и ре-

зультат. Психи сами себе документы делают, какие им заблагорассудится и деньги всякие рисуют при помощи фотожопов. Надо же! А на ксиве орла с двумя головами изобразил. Тебе, что снова при царе захотелось пожить? Советской властью не доволен?

– Какой еще советской властью?! – возмущенно вырвалось у меня. – Советская власть кончилась больше двадцати лет назад! А мой паспорт это паспорт гражданина России! Я гражданин России!

После этих моих слов воцарилась продолжительная пауза.

– Точно, псих, – шепотом нарушил ее лейтенант.

– Псих, – кивнул полковник. – Ты посмотри на это.

Он ткнул толстым указательным пальцем в мою банковскую карточку на столе.

– Ты посмотри только Золотарев! Подобную фигню уже как лет двадцать отменили. А он её с собой таскает. Зачем? Золотарев, ты наличку, как в банкомате получаешь?

– По отпечатку пальца, – незамедлительно ответил лейтенант.

– А это еще что такое? – полковник ухмыльнулся. – Права на вождение? Какая херня! Золотарев, у тебя машина есть?

– Так точно, товарищ полковник! Москвич!

– И как тебя дорожная милиция проверяет, если на дороге остановит?

– Снимает информацию со зрачка глаза сканером на расстоянии, товарищ полковник!

– Вооот. А этот придурок в трусах с собой таскает всякое отжившее барахло. Он точно псих.

Я слушал этот разговор и недоумевал. Куда я попал? К сумасшедшим? Какой еще отпечаток пальца? Какой глаз?

– Конченный псих, – кивнул лейтенант.

– И вредоносный, – добавил полковник. – Советской властью не доволен. Я не раз писал докладную наверх, что надо периметр конструктивно усилить на восточном направлении, но воз и ныне там. Вот и результат. Психи атакуют режимный объект. А кто виноват?

– Не могу знать! – бойко отрапортовал лейтенант.

– Там всегда найдут виноватого, – мрачно ухмыльнулся полковник, указав пальцем вверх. – Вот сдадим мы этого придурка в органы, как положено. А они установят, что он полный кретин. И что тогда? Нас же на смех поднимут. Дескать, куда вы там смотрели. У вас уже дураки свободно по территории передвигаются. Это хорошо, если только на смех поднимут. А могут и погоны полететь.

– Могут, – кивнул лейтенант.

– А нам это надо?

– Не надо, товарищ полковник.

– Ты его где задержал?

– В третьем секторе.

– Эээ... Ты, что-то путаешь. За территорией ты его при патрулировании периметра задержал. Он пытался на завод пройти для устройства на работу. Но ты бдительность про-

явил. Обратил внимание на его этот вид в трусах. Молодец! Благодарю за службу! Ты все понял?

– Так точно!

– Сержант, ты тоже все понял?

– Так точно! Понял!

– Вот и лады, – удовлетворенно кивнул полковник. – Ты вот что, Золотарев. Забирай это его барахло, как доказательство полного сумасшествия, а его самого выводи за ворота и вызывай бригаду. Пусть его к себе забирают. Это их клиент.

– Так точно! Это их клиент! – решительно произнес лейтенант и ловко вновь набросил мне на голову черный мешок. Меня снова хватают с боков и ведут.

– Пойдите! Куда вы меня тащите?! – возопил я.

– Не дергайся! – сказал, как отрезал лейтенант.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться и послушно перебирать ногами. И вновь время от времени – лязганье дверей. В моей голове крутились бессвязные мысли. Что происходит? Куда я попал? Почему меня приняли за сумасшедшего?

Я не находил разумного объяснения. А может, мне просто снится кошмарный сон и стоит лишь проснуться... Внезапная мысль, подобно молнии, пронзила все мое существо. Блин... не может быть!

От этой мысли я даже остановился, но получил крепкий тычок в бок, после чего мое передвижение продолжилось

в ускоренном темпе.

– Да. Человек рехнулся. Приезжайте быстрее. Куда? Сибирский машиностроительный. На проходную. Да, – услышал я отрывистые фразы лейтенанта. Понял – речь обо мне. Психушку вызывает.

– Послушайте, а какой сейчас год? – спрашиваю конвоиров.

– Точно дурак! – хохотнул сержант.

– Две тысячи тринадцатый, – пояснил лейтенант. – А тебе какой надо?

– А страна эта как называется?

– Крайний debil, – сержант аж присвистнул.

– СССР называется, – вежливо пояснил лейтенант. – А ты Колян не раздражай клиента. А вдруг он буйный.

Ага, и заразный к тому же, – добавил Колян. После чего уже оба в голос заржали.

Мой мозг мгновенно вскипел. СССР, значит! Сказать, что я был в шоке – ничего не сказать. И еще эти ржущие debилы. Казалось, еще немного, и я на самом деле сойду с ума. Вспомнился дед. Он часто напевал с утра пораньше бравурную песню:

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!*

Одновременно хотелось смеяться и плакать. Я хотел попасть в эту страну.

Полный пипец! Я в СССР! В этом параллельном измерении великая страна не только не распалась на осколки и не прекратила своего существования, а, напротив, судя по увиденному мной, расцвела и обрела величайшую мощь.

– Кто это? – послышался чей-то вопрос.

– Рехнулся. Не выдержал рабочего темпа, – пояснил лейтенант. – Открывай. Сейчас за ним скорая прибует.

Вновь лязгнула дверь. Меня провели еще немного и сдернули с головы мешок. Яркий свет ослепил. Я зажмурился. Вскоре открыл глаза. Увидел широкую площадь. По периметру лес. Посреди площади на мощном гранитном постаменте возвышается легендарный танк Т-34. Вдаль устремилась прямая, как стрела асфальтовая дорога. Далеко на горизонте просматривается большущий город.

Оглянулся. Позади высокие ворота в бетонном заборе. Меня вывели за территорию.

– Что это за город там? – поинтересовался я.

– Это Катманду, – ехидно пояснил лейтенант, а сержант не преминул хохотнуть.

Откуда-то сверху послышался нарастающий вой сирены и одновременно с ним пронзительный свист. Вскоре прямоком с неба на площадь рядом с танком вертикально приземлилась самая настоящая летающая тарелка. Она ярко мигала

синими огнями.

Фантастика продолжалась. Волна восторга переполнила меня. Ведь я впервые в жизни увидел самую настоящую летающую тарелку.

Я готов был увидеть появление прекрасных роботов, могучих киборгов или зеленых человечков, но мои ожидания не оправдались. Из тарелки неспешно выбрались двое здоровенных детин с большим мотком веревки. Следом за ними ловко выпрыгнула молодая дама в коротком белом халатике.

– Быстро прибыли, – удовлетворенно хмыкнул лейтенант. – Молодцы ребята!

Вся эта компания приблизилась к нам и остановилась. Детины, будучи тоже в белых халатах и соединенные веревкой, напоминали собой сиамских близнецов. Они сумрачно и целеустремленно взирали на меня с высоты своего гигантского роста.

– Вызывали? – спросила дама.

– Еще как вызывали, – озабоченно произнес лейтенант. – Вот этот клиент здесь через проходную ломился на территорию завода, неизвестно по какой причине. На самом деле не помнит, в какой стране живет, какой сейчас год. Несет полный бред. И документы при нем самопальные.

– Неправда! – возразил я. – Меня не здесь задержали. Я к вам попал прямо на территорию завода из другого измерения. Там у нас Россия, а здесь Советский Союз. Я не сумасшедший. Я докажу. И по правде говоря, я очень счастлив,

что попал сюда. Несказанно рад! Вижу, что у вас тут очень развиты технологии, если даже скорая помощь летает на тарелке. Это просто сказка! Здравствуйте, дорогие советские друзья и товарищи! Пламенный привет вам от граждан демократической России!

– Понятно, понятно, – ласково произнесла дама и широко улыбнулась. – Сейчас вы проедете с нами. Там все и выясним.

– Куда поедем? В сумасшедший дом? Но я не сумасшедший! Вы поймите...

– Как вы можете так говорить! – возмущенно прервала меня дама. – В нашей стране уже давно нет сумасшедших домов. Сумасшедшие дома есть только в странах гнивающего капитализма. А у нас в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР и ВЦСПС от 17 декабря 1994 года организованы Центры психического оздоровления нации. Наша Партия и наше Правительство постоянно заботятся о психическом здоровье советского народа. Вас обязательно оздоровят, и вы снова вернетесь к общественно полезной деятельности. Все будет хорошо, молодой человек.

Она оглянулась, кивнула, и двое детей мгновенно подскочили ко мне, выхватили из рук конвоиров и набросили на меня веревку. По всему эти «сиамские близнецы» были профессионалами своего дела и за считанные секунды крепко обмотали меня с ног до головы.

Лейтенант попытался снова накинуть мне на голову ме-

шок.

– Не нужно, – остановила его дама. – У нас гуманные методы.

В её руке, как по мановению волшебной палочки появился шприц.

– Да я не сопротивляюсь. Все нормально. Развяжите, – попытался возразить я против столь жесткого обращения.

– Мы вам сейчас укольчик сделаем, и все будет хорошо, – милым голосом объяснила дама. Не успел я дернуться, как игла пронзила мою кожу на левой руке, а уже вскоре мутная пелена заволокла мне глаза, и я откинулся в беспамятство.

Глава 3

ЦЕНТР ПСИХИЧЕСКОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ НАЦИИ

Очнулся я, привязанный за руки-ноги к железной койке и облаченный в серую больничную пижаму. Мутило. Во рту сухо, как с перепоя.

Блуждающим взором окинул помещение казарменного типа со множеством железных коек, поставленных в ряды, как те танки на заводе. На койках валялись и сидели люди в одинаковой серой, как и моя, униформе. Примерно два десятка обитателей этого места бродили вдоль проходов. Взгляд некоторых был сумрачен, у других же, напротив, излучал счастье. Их рот то и дело расплывался в довольной до умопомрачения улыбке. Пространство изредка наполнял истеричный хохот, дикие вопли, завывания. Кто-то по козлиному затынку затыкнул «Из-за острова на стрежень» и тут же осекся. Вся эта удручающая глаз картина освещалась серым дневным светом, проникающим сквозь зарешеченные окна.

Однажды мне довелось получить впечатление о психушке в своем мире. Но не в качестве пациента. Туда я приезжал к своему компаньону по бизнесу. Он рехнулся неожиданно.

Перефразируя высказывание героя известного романа можно утверждать, что человек не просто может потерять ум, он может потерять ум внезапно.

Так и мой компаньон. Рехнулся внезапно. В один прекрасный день он объявил себя наследником престола турецкого султана. Возможно, что тут сыграл свою роль регулярный просмотр сериала «Великолепный век».

Прибывшая по срочному вызову бригада в мгновение ока упаковала «престолонаследника» и незамедлительно доставила его по месту назначения.

Мне же понадобилось срочно закрыть нашу совместную с ним контору. Для закрытия требовалась его подпись. Именно по этой причине я оказался в той психлечебнице.

В сопровождении и под присмотром двух санитаров прошел пять железных дверей.

Мой компаньон обитал в палате человек этак на сто. Меня узнал с трудом. Поначалу пытался подписать бумагу, как султан Сулейман, но после я его убедил, что для конспирации и маскировки от врагов Турецкой империи необходима его прежняя подпись. Компаньон согласился, хитро ощерился и приложил свою руку к документам, как было надо.

Я ушел, получив наяву представление о том, что такое палата для умалишенных. Она практически не отличалась от той палаты, где я оказался ныне. Разве что здесь, как символ советского мира торцевую стену палаты заполнял огромный плакат с изображением пары лиц мужского и женского

полу на фоне земного шара. Их взгляд, устремленный вдаль, излучал счастье. На плакате красовалась надпись «Ленин – наше знамя! Будущее за нами!».

– Господи, воистину благи дела твои. Не убоюсь с тобою превеликим ни диавола ни демонов премерзостных, – слышался совсем рядом со мной гнусавый голос. – И да пребудет твое благо со мною во веки вечные, и сгинут силы темные, и придет царствие твое.

Я повернул голову.

Голос принадлежал здоровенному детине с бритой головой. Сидя на соседней койке, детина монотонно покачивался взад-вперед и бормотал черт знает что. Заметив, что я обратил на него внимание, ощерился в радостной улыбке и пустил слюну.

Я дернулся, пытаясь освободиться.

– И не пытайся, – детина мерзко хихикнул. – Тут крутят крепко. Воистину. Буйствовал, да?

– Позови санитаров. Пусть развяжут, – потребовал я.

– Нельзя, – детина развел руками. – Мне боженька не велит.

– Эй вы там! Развяжите меня! – заорал я в потолок, ясно осознав, что с идиотом разговаривать бесполезно.

– Будешь шуметь, так тебе еще добавят. Уснешь надолго, – ощерился сумасшедший.

– Да мне плевать! – гаркнул я. – Эй!

– Не кричите, молодой человек, – слышалось над моим

ухом справа. Повернул голову. Невесть откуда моему взору явил себя седовласый дедок в белом халате. Он участливо смотрел на меня сквозь крупные круглые очки, и был похож в них на старого доброго филина.

– Рад приветствовать вас, товарищ больной, в нашем образцово-показательном Центре психического оздоровления нации имени Седьмого всемирного фестиваля молодежи и студентов! – торжественно провозгласил дедок. – Я ваш лечащий врач. Здесь вам будет гарантирован полный комплекс процедур, обеспечивающих в исчерпывающей мере становление на путь психического здоровья и полноценного развития личности социалистического человека. Выпускники нашего центра работают практически во всех сферах народного хозяйства страны. Наша Партия и Правительство провозгласили лозунг – «Коммунизм это полное психическое здоровье советских граждан». Наш центр, как вы уже наверняка успели заметить, оборудован по последнему слову техники. Он имеет три транспортных средства для оперативной доставки лиц, нуждающихся в оказании срочной и неотложной психической помощи. Это летательные аппараты вертикального взлета на реактивных двигателях. Такими новейшими аппаратами оснащаются только высшие правительственные структуры, элитные войска и еще мы – Центры психического оздоровления нации. Скажите, пожалуйста, у вас есть претензии к вашей оперативной доставке в наш Центр?

– Нет, – ответил я. – Развяжите меня. Я же не буйствовал.

Да и не собираюсь.

– Очень хорошо, что у вас нет претензий! Отсутствие претензий – первый шаг к полному выздоровлению, – радостно потер ладони врач и присел на краешек кровати. – Вот мы сейчас с вами поговорим, вы ответите на мои вопросы, и только потом посмотрим, как нам с вами дальше быть. Вы согласны?

Кивнул в ответ.

Вот и славненько, – улыбнулся добродушно дедок. – А теперь скажите, как вас звать-величать, молодой человек?

– Назаров Валерий Викторович.

– Очень хорошо! А меня можете называть Феликс Эдуардович. Запомнили? Феликс Эдуардович. Скажите мне, Валерий Викторович, а где вы проживаете?

– Я проживаю... Я живу... Я... А как называется этот город?

– Красноярск, – ответил Феликс Эдуардович.

– Красноярск? Странно. А мне сказали, что это Катманду.

– Вас обманули. Назовите точный адрес вашего проживания, пожалуйста.

– Нет проблем! Россия, город Красноярск, улица Карла Маркса, дом двадцать один, квартира двести сорок два.

– Тааак, – задумчиво произнес Феликс Эдуардович. – Совпадает.

– С чем совпадает? – спросил я.

– С пропиской указанной в паспорте, который вы весьма

искусно изготовили. Но видите ли в чем дело. Дом с таким адресом имеет место быть в нашем городе, но квартира... ЭМММ.

– Что квартира? – настороженно спросил я.

– Нет такой квартиры в этом доме. Там всего двести двадцать четыре квартиры. Быть может, вы вспомните, где проживаете на самом деле?

– Видите ли, в чем дело, – промолвил я в тон словами Феликса Эдуардовича и аж слегка приподнялся, натянув прищипки, в попытке пояснить ему, что со мною произошло. – Понимаете ли. Я проживаю не совсем в этом городе. Я живу в параллельном мире. А сюда попал по непонятным для меня обстоятельствам. Здесь, как я понимаю, сохранился Советский Союз, а там в моем мире он распался. И сейчас я проживаю в России. И паспорт мой российский...

– Понятно, понятно, – прервал мои объяснения врач, участливо накладывая ладонь на мою грудь и тем самым заставляя меня вновь принять горизонтальное положение. – Все очень хорошо.

– Я не сумасшедший, – убежденно произнес я.

– Конечно, – кивнул Феликс Эдуардович. – Конечно вы не сумасшедший. Вы просто устали немного. Вам надо отдохнуть. Полежите у нас с недельку – другую, примите процедуры, а там посмотрим.

– Недельку—другую? – недоуменно спросил я. – Но зачем? Мне нужно немедленно, переговорить с компетентны-

ми людьми, занимающимися непознанными явлениями.

– Обязательно переговорите, – улыбнулся врач. – Тут у нас много таких. У вас будет о чем поговорить.

– Здесь таких много? – я растерянно повел глазами по сторонам.

– Много, – радостно улыбнулся врач. – Вам здесь будет очень интересно. Не сомневайтесь.

В тот миг, когда он произнес эту фразу, я отчетливо осознал, кто я есть для этого человека. Сумасшедший пациент и только. Все эти мои объяснения для него – бред больной фантазии и не более того. На его месте я вел бы себя точно так же, выслушивая рассказы так называемого путешественника по параллельным мирам. Все мои дальнейшие слова в том же духе, лишь укрепят уверенность этого Феликса в моей невменяемости. Эх, надо было с самого начала придерживаться иной тактики разговора. Сочинить вполне вменяемую историю, чтобы убедить этого психиатра в моей адекватности.

Теперь уже поздно. Для него я псих. И ничто не переубедит его в обратном. А если так, то надо не просто играть, а талантливо и вдохновенно войти роль психа. Причем психа тихого, активно идущего на поправку, чтобы доверием прониклись – к койке не вязали и лекарствами поменьше пичкали. Решено – буду вести себя смиренно, а там посмотрю, что делать дальше по обстоятельствам.

– Что же вы замолчали, молодой человек? – ласково спро-

сил Феликс Эдуардович. – Расскажите еще, что-нибудь. Например, где вы работаете.

– Здесь я нигде не работаю, – ответил я.

– Как же так? Почему вы не работаете? В нашей стране нет безработицы, – насторожился врач.

– Не помню, почему я не работаю, но я обязательно вспомню с вашей помощью.

– Очень хорошо! – обрадовался врач. А какое у вас образование? Кто вы по профессии?

– Архитектор, – гордо ответил я. – У меня высшее образование.

– Прекрасно! – кивнул врач. А кто ваши родители?

– Родители? – я наморщил лоб. – Не помню родителей, но я обязательно вспомню.

– Похоже, частичная амнезия, – пробормотал Феликс Эдуардович. – А что вы помните?

– Помню, что я из России.

– И все?

– Да, все.

– Понятно. Вам надо хорошо отдохнуть. Здесь у нас спокойно. Вы со временем все вспомните. Мы гарантируем вам полное выздоровление.

– Очень хорошо, доктор, – удовлетворенно кивнул я.

– Мы с вами поладим, – участливо произнес Феликс Эдуардович, внимательно глядя на меня. – Обещайте мне, что будете себя вести хорошо.

– Непременно, доктор.

– Вот и ладошки, – с этими словами Феликс Эдуардович ловким движением рук профессионально освободил меня от привязей. – Можете встать. Погулять по палате. Но ведите себя хорошо. Иначе мы тут применяем жесткие меры. Здесь у нас строгий порядок.

– Хорошо, доктор, – нарочито радостно произнес я, принимая сидячее положение.

– Ужин у нас в семь вечера. Уже скоро, – произнес врач, после чего поднялся с кровати и степенно удалился к выходу из палаты-казармы. Возле выхода я заметил двух дюжих санитаров в белых халатах, восседающих на стульях и обращенных своими цепкими взглядами на пространство с умалишенными.

Гулять среди психов желания не было. Вновь прилег на скрипучую кровать и устремил взгляд в потолок, отчетливо сознавая, что нашел приключений на свою задницу.

– Эй, – послышался шепот справа. Я повернул голову. На соседней койке лежал парень примерно моего возраста. Его длинные темные волосы были спутаны. Глаза одержимо блестели.

– Господи спаси, господи спаси помилуй, господи, – часто забормотал сумасшедший слева, монотонно раскачиваясь.

– Заткнись! – прикрикнул парень, резко сел и погрозил кулаком. Сосед слева замолчал, но качаться не перестал.

– Он полный идиот и юродивый! – убежденно произнес

парень. – Дошел до такой жизни в поисках бога. Пытался найти его в компьютере. Разобрал его. Но бога там не нашел и рехнулся окончательно. Будем знакомы. Меня Роман зовут по фамилии Дуров. А тебя, я слышал, Валерой кличут. Я твой базар с Феликсом просек. А ведь ты правду ему рассказывал.

Я промолчал. Не было желания общаться с сумасшедшими. Но Роман бесцеремонно пересел на мою койку.

– Я человека вижу, – таинственно зашептал он. – Сам я принц и воин с далекой планеты Оум. Оказался по воле злых сил в человеческом теле. Пытался несколько раз вернуться обратно на родину через параллельные миры, но неудачно. После последнего возвращения оказался здесь.

– Понятно, – ухмыльнулся я. – Ты иди, напиши письмо в организацию объединенных наций, что ты инопланетный принц. Тебя сразу выпустят отсюда. А теперь отстань. Отдохнуть хочу.

– Некогда мне писать. А эту организацию уже давно распустили за ненадобностью, – пояснил Роман.

Я внимательно посмотрел на него. По правде сказать, мне очень хотелось узнать, как можно больше об этом мире, но только не от сумасшедшего.

– Ты думаешь, что я ненормальный? – усмехнулся Роман.

– Нет. Ты попал сюда по ошибке. Если ООН распустили, то тебе надо обязательно накатать письмо в межпланетную правозащитную организацию. Иди и пиши срочно. Могу ад-

рес подсказать.

– А, что? В твоём мире есть такая организация? – заинтересованно спросил Роман.

– Да, есть. Можешь мне письмо передать. Когда вернусь в свой мир, обязательно опущу его в почтовый ящик, что на углу моего дома, и твоё послание дойдёт по адресу. Тут же прилетят инопланетяне и тебя освободят.

– Идея неплохая, – согласился Роман. – Но тебе ещё надо вернуться. А я так понимаю – ты не знаешь, как это сделать.

– Ты, главное напиши, а как уже вернуться это моя забота.

– В тот день, когда ночь новолунием зиждется, спустился ко мне ангел небесный и длань свою возложил на мое плечо левое, дабы демона согнать и наставить меня на путь истинный, – монотонно завыл юродивый. – И просветлел я разумом своим да сердцем воспылал. . .

– Да заткнись ты, скотина! – прошипел Роман.

– Ыгы, ыгы, Воистину так, и обрящется всё во веки веков и отныне, – пробормотал псих и затих.

– Как он меня достал! – Роман обхватил голову ладонями. – Среди ночи поднимается и вот такую пургу несёт. С ума можно сойти! Я вернусь отсюда на родину полным идиотом. Как я буду управлять своим государством?

– Ничего страшного, – съехидничал я. – Психи зачастую и управляют государствами.

– Нет! – Роман в ужасе округлил глаза. – Как ты можешь такое заявлять! Ты не прав! Здесь на планете Земля великим

государством СССР управляют достойные и мудрые люди! Великим вождем после Сталина стал гениальный полководец Жуков Георгий Константинович! Он сделал из этой страны величайшее государство мира. Теперь СССР весь мир в кулаке держит. Вот так.

Роман сжал кулак. В темных глазах его сверкнул огонь.

– А сегодня вождь этой страны это Сергей Николаевич Жуков! – вдохновенно продолжил Роман. – Это внук Георгия Константиновича и мудрый вождь всего советского народа. Когда я вернусь на свою планету, то обязательно установлю дипломатические связи с СССР. А хочешь, я тебя возьму с собой? Вижу, что ты умный человек. Я назначу тебя своим первым советником.

– Не знаю. Надо все хорошо обдумать, – устало произнес я.

– Конечно, конечно, – закивал Роман. – Это очень серьезный шаг.

– Я протестую! Я решительно протестую против оскорбления чувств умалишенных! – неожиданно послышался истошный вопль из глубин палаты. – Я за срочное принятие закона о защите чувств и достоинства умалишенных! Я протестую!

Санитары стремительно сорвались с места и понеслись по проходу. У одного из них я успел заметить в руках объемную смирительную рубашку.

– Опять правозащитник Леха буйствует, – пояснил Ро-

ман. – Неизлечим.

– Мои братья и сестры по разуму! – забеспокоился юродивый. – Размышление есть попытка мыслей надсадных познать, то, что уму недоступно в силу помрачения полного. И тонет оный в ложном знании, как в жиже навозной, И кажется ему слепцу, что оный разумен да велик во познании своем, а на деле бельмами незрячими по сторонам крутит, да лбом твердым во стены долбится.

– Ужин! – послышался зычный вопль со стороны входной двери. Он спас меня от общения с сумасшедшими.

Я резко поднялся с кровати и направился на зов.

– Кашу не ешь! Понос прохватит! – послышалось мне вслед. – После ужина продолжим беседу.

Святой боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас! – раздались за спиной громкие возгласы другого сумасшедшего.

Глава 4

СТРОИТЬСЯ, ТОВАРИЩИ СУМАСШЕДШИЕ!

После ужина я решил обследовать территорию. Интересовала возможность побега отсюда. Кто знает, сколько здесь меня будут держать. Может вместо недельки – другой продлят мое пребывание здесь на неопределенный срок. Но я предпочитал определенность в жизни.

Первым делом лениво прогулялся по палате. Как бы, между прочим, подошел к окну, прикоснулся пальцем к решетке. Пришел к выводу – решетка сделана на совесть. Сквозь неё, мог бы «просочиться» только терминатор самой последней модели. Кроме того, отметил, что за сумасшедшими наблюдали глаза нескольких видеокамер, установленных под потолком. Прямиком из палаты побег был невозможен.

Под предлогом похода в сортир, вышел в коридор. В конце коридора – железная дверь. Возле двери на страже здоровенный санитар со смирительной рубашкой на изготовке.

Дверь в сортир сразу направо. Он также был повсеместно напичкан видеокамерами. Их не было разве что в унитазах. Но побег через унитаз не входил в мои планы.

Демонстративно перед камерой справил малую нужду и вернулся в палату.

– Всем на выход, на вечернюю зарядку! – раздался призывный вопль.

Сумасшедшие зашевелились и потянулись к двери.

– Быстрее! Пошли! Пошли! – подгоняли их санитары.

Я влился в общий поток.

Прошел пять железных дверей.

Открытое вечернее небо. Большой двор. Высокий бетонный забор по периметру. За ним – стена густых деревьев. На заборе красный плакат с надписью «Сумасшествие – не приговор». Колючая проволока. Вышки. На них санитары. Видеокамеры.

Как на лагерной зоне.

– Строиться! Строиться! – слышались команды.

Санитары сбили сумасшедших в толпу посреди двора.

– Добрый вечер, товарищи! – раздался громкий зычный голос, усиленный мощными динамиками. – Начинаем урок вечерней оздоровительной гимнастики. Встаньте прямо! Ноги вместе! Руки по швам! Вдох! Руки вверх! Выдох! Руки вниз! Вдох!

Сумасшедшие запыхтели, старательно выполняя команды.

С вышек ударили лучи света, сойдясь в перекрестие над толпой, и в воздухе проявились пейзажи просторных полей с перелесками, полноводной рекой и белыми облаками на си-

нем небе.

«Голограмма», – догадался я.

– Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла... – нежно запел женский голос.

Панорама сменилась березовым лесом. Там среди деревьев закружил хоровод девушек в кокошниках и длинных красочных платьях.

– Образ родины в наших сердцах! – ворвался в песню голос за кадром.

– Некому березу заломати, некому кудряву заломати...

– Товарищи! – воскликнул голос. – Вперед, ускоренными темпами на пути к обретению разума! Руки согнуть! Бег на месте! Все бежим на месте!

Сумасшедшие активно заработали ногами. Тем временем над толпой проявился объемный образ Ленина. Ильич был как живой в ореоле света. Он строго и назидательно взирал сверху.

– Наш великий вождь и учитель верит в вас! Он всегда с вами! – продолжил вещать голос. – Его разум – ваш разум! Его гений – ваш гений!

– Эээх, дубинушка ухнем! Эх зеленая саама пойдет! – завопил кто-то за моей спиной. – Аааааа. Бляяяя!

Оглянулся. Двое санитаров уже успели набросить смирительную рубашку на возмутителя порядка, запихали ему в рот кляп и поволокли.

А занятия продолжались.

– Присели! Встали! Присели! – командовал голос. – Товарищи! Дружными рядами к полному просветлению и оздоровлению!

Объемные картины над толпой плавно сменялись одна на другую. Над нами летели самолеты, шли по полю уборочные комбайны, плыли корабли в океане.

Играла торжественная музыка.

– Наклоны в стороны! Раз! Два! Раз!

В воздухе заколыхались полупрозрачные пейзажи каких-то городов, новостроек, счастливых и радостных лиц.

– Хлопки рук над головой в прыжке! Раз! Два! Три! Хорошо!

Зазвучал симфонический оркестр, и над умалишенными поплыли балерины из «Лебединого озера».

– Красота спасет мир! Под руководством Партии и Правительства обретем духовную и физическую красоту!

Балерины кружились в танце.

– На месте стоять! Раз, два! Восстанавливаем дыхание. Вдох! Выдох! Вдох!

Музыка затихла. Балерины растворились.

– Товарищи! Вечерняя зарядка закончена! Скорейшего вам выздоровления и возвращения на трудовой путь строителя коммунизма! Приятных вам снов, товарищи!

– В палату марш! Быстро! Быстро! – Засуетились санитары, подгоняя сумасшедших, как собаки отару овец.

Не спалось. Лежал на кровати, отрешенно уставившись в потолок. На соседней койке мирно сопел во сне Роман. После вечерней зарядки санитар профессионально выполнил успокоительный укол ему в задницу, тем самым избавив меня от выслушивания дальнейшего бреда сумасшедшего. Но надолго ли?

Мне были предложены какие-то таблетки. Сделал вид, что кладу их в рот и даже глотаю, запивая водой из стакана. Как только санитар отошел, тут же выплюнул их.

За окнами густела темнота. В палате-казарме жизнь к ночи потихоньку успокаивалась. Все реже слышались дикие выкрики, песнопения, чтение стихов и прочие проявления нездорового ума. Мой сосед-богоискатель тоже постепенно угомонился, перестав творить молитвы с призывами господними. Я же лежал обуреваемый мыслями.

Вот же чертовщина какая! Жизнь, вроде, улыбалась. И вдруг... на тебе! Ни с того, ни с сего такой совершенно нелепый, можно сказать, фантастический поворот событий.

Вопрос – что делать и как быть, не давал покоя. Может, все же попытаться сбежать? Пробраться на танковый завод, попробовать вскрыть дверь и вернуться обратно? Но охрана и здесь и на заводе крепкая. Да и вернусь ли я туда куда хочу? Вряд ли. Тем более я совершенно не знаком с самим механизмом переброски. Потому не стоит и пробовать.

Мысли одна хуже другой клубком змей извивались в моей голове. В попытке успокоится, невольно схватился ладонями за виски. С ума сойти! Аж, волком хотелось завывать.

«Тихо, Валера, тихо! – мысленно сказал я сам себе. – Бегать пока никуда не надо. Здесь в СССР тоже можно хорошо устроиться. В социалистическом обществе нет безработицы, и потому у каждого человека есть уверенность в завтрашнем дне. Не вечно же меня держать будут в этих застенках. К примеру, имитирую я собственное оздоровление, и в конце концов меня выпустят. А, может, и документы местные справят. Ты ж не буйный, Валера. Надо срочно выздоравливать. Для начала напрочь отринуть разговоры о параллельных мирах. Стать примерным сумасшедшим и как всегда радоваться жизни. Радость жизни это всепобеждающая сила. Тебя выпустят, Валера, и ты найдешь здесь себе применение. Ты же талантлив, а талант всегда пробьет себе дорогу в любых параллельных мирах. Все будет хорошо».

Приняв решение, я моментально успокоился. Пора спать и видеть хорошие сны. Вскоре веки мои отяжелели. Как уснул, не помню.

И приснился мне неприятный сон. Вроде, как сидит за широким столом в большом кабинете сам товарищ Сталин, а я стою перед ним, подобно школьнику перед завучем. Кроме Сталина за столом еще с десяток каких-то людей. Присмотрелся – узнал среди них только Лаврентия Берия и Никиту Хрущева.

– Итак, гражданин Назаров из капиталистической России, что вы можете сказать по поводу своего участия в сознательном уничтожении СССР? – задает мне вопрос Сталин, раскуривая трубку.

– Я? Я ничего не могу сказать, – немедленно отвечаю. – В то время был еще маленький. Мне было... Пять лет мне было! Вот!

– Пять лет, – Сталин усмехнулся. – Не надо сваливать на возраст свою преступную бездеятельность.

– Преступную бездеятельность? Но разве малые дети могут быть преступно бездеятельными?

– Помолчите, гражданин Назаров! Пусть товарищи по партии скажут. Товарищ Берия. Вам слово.

Берия подскочил, как ужаленный.

– Товарищ Сталин! Из достоверных источников стало известно, что гражданин Назаров уже в четырехлетнем возрасте напевал разлагающие социалистический образ мышления песни так называемых вокально-инструментальных групп, таких как «Кино», «Наутилус-Помпилиус», «Алиса» и «ДДТ». Кроме того он уже в этом возрасте предпочитал иностранную жвачку ирискам «Кис-Кис», предавался беспробудному потреблению капиталистической суспензии под названием «Кока-Кола», пренебрегая тем самым истинно социалистическим напитком «Буратино» и усиленно сосал «Чупа-чупс» вместо русских леденцов «Петушок на палочке». Таким образом, он уже в то время проявлял полное от-

сутствие патриотических чувств, неуважение к социалистическому образу жизни, историческим ценностям своей Родины, наследию отцов и дедов. Он виновен.

Берия сел.

– Откуда вы знаете! – выкрикнул я. – Вас в то время уже не было! Вас расстреляли!

– Меня? – Берия снисходительно ухмыльнулся. – Меня не могут расстрелять. Я всегда и везде живой. Я всегда с каждым и в каждом из вас. А вот ты, гражданин Назаров будешь расстрелян.

– А что нам скажет товарищ Хрущев? – обратился Сталин к Никите Сергеевичу, попыхивая трубкой.

– Мне нечего добавить к словам товарища Берии, – заявил Хрущев, став по стойке смирно. – Хочу только обратить ваше внимание, товарищ Сталин, что гражданин Назаров ничуть не раскаивается в содеянном. При этом не признает свою вину, что является отягчающим обстоятельством. Он вдвойне виновен.

– Да, что ты несешь! – возмутился я. – Это я-то виновен? Ты же сам предашь своего вождя! Ты же сам обгадишь нашу историю! Из-за тебя и начнется весь развал! Ты кукурузник! Крым отдал! Страну в голод загнал!

– Бред, – пожал плечами Хрущев.

– Кто еще желает высказаться? – спросил Сталин, загасив трубку.

Гробовая тишина в ответ.

– Очень хорошо. Итак, мы решили признать гражданина Назарова изменником Родины и расстрелять. Приговор привести в исполнение немедленно. Товарищ Берия. Прошу.

Берия вновь подскочил, и я увидел в его руке направленный на меня пистолет.

– Нет! – завопил я. – А где мое последнее слово! Товарищ Сталин! Они все предадут вас! Они все враги народа!

– Заткнись, гад! – процедил сквозь зубы Берия и блеснул очками. – Получай!

Пламя из дула. Разрывающий голову удар. Проснулся в холодном поту. Черт!

За окном светало. Наступало утро.

– Приснится же, – пробормотал я, озираясь по сторонам. В палате царил покой. Сумасшедшие спали.

Тишину нарушил громкий топот со стороны двери. В палату вошли несколько рослых людей в военной форме. За ними семенил Феликс Эдуардович в сопровождении двух санитаров.

– Подъем! Все подъем! Быстро! – завопил один из них.

Сумасшедшие заворочались. Кто-то протяжно завыл.

– Вот она кара небесная во второе пришествие! Ибо сатана не дремлет! – заорал набожный юродивый. – Армагеддон настал!

– Товарищи сумасшедшие! – зычно воззвал один из людей в форме с погонами майора. – Приказываю всем, построиться в шеренгу перед койками. Быстро! Время построения –

одна минута. Время пошло!

– Вставайте! Вставайте! Быстро! Скоты! – завопили санитары и забегали меж коек, пинками и тычками поднимая психов. – Вставайте! Стройтесь, как есть! В трусах!

Я не стал дожидаться пинка, вскочил и послушно застыл перед своей кроватью. Справа от меня пристроился Роман, а слева, тупо бормоча, что-то про бога выпрямился столбом юродивый.

Прошла не одна минута, прежде чем санитарам удалось выполнить приказ майора и создать из психов некое подобие шеренги. Вид всей этой картины был карикатурно отвратителен и напоминал собою некий винегрет из полотен испанского художника Франсиско Гойи со своими чудовищно-гротескными персонажами из разномастных пародий на человеческие облики. Сумасшедшие топтались на месте. Некоторые тупо озирались по сторонам, иные же расплывались в идиотских улыбках, другие сумрачно набычились.

– Рааавняйсь! Смиирно! Вольно! – зычно скомандовал майор.

– Ура! – заорал кто-то из нестройных рядов. Майор сделал вид, что не услышал восторженного возгласа.

– Я майор Хромченков – начальник второго отдела Центрального районного военкомата, – представился он. – Завершается весенняя призывная кампания в доблестные и непобедимые советские вооруженные силы. Практически все новобранцы поступают в нашу великую армию с искрен-

ним желанием служить и стойко переносить тяготы военной службы. Практически все. Да.

– Слава КПСС! – послышался истошный вопль. – Да здравствует Марксизм-Ленинизм!

Из шеренги выбежал маленький тощий мужичонка.

– По врагам огонь! – завопил он. – Гранаты к бою!

Санитары, будучи начеку, тут же подскочили к нему, профессионально заломили за спину руки и поволокли за дверь.

– Смиирно! – вновь заорал майор, побагровев толстой мордой. – Товарищи сумасшедшие! Ставлю вас в известность, что практически все новобранцы желают нести службу повсеместно. Но, в наше социалистическое время, когда еще не добит змей мирового империализма, еще встречаются несознательные подонки, которые сознательно не желают отдаваться армейской службе. Они скрываются везде, где могут. Но у меня глаз наметан и зорок, и я выявляю таких мерзавцев на земле в небесах и на море. Уверен, уклонисты засели и среди вас, настоящих больных на голову. Посему предлагаю им добровольно сдать, признаться в симуляции умственного помешательства с изъявлением своего желания отдать свой долг Партии и народу. Итак, кто желает служить?

– Я! Я желаю! Дайте мне двустволку! Я убью президента Соединенных Штатов! – раздалась откуда-то из угла палаты хриплые выкрики, схожие с лаем собаки.

Майор поморщился, махнул рукой и медленно пошел вдоль шеренги психов, внимательно всматриваясь в их фи-

зионии. В палате зависла мертвая тишина, нарушаемая лишь мерным звуком его шагов. Шаг за шагом, и майор поравнялся с юродивым. Здесь он и остановился.

– Имя, фамилия? – спросил он у юродивого.

– В превеликой благости пребываю! – истошно заголосил юродивый. – Ибо отходя по нужде крупной увидел я ангела небесного во серебре-свете озаренного, и оный длань свою распротер над водами и землями, поведав, что грядет господь, и возрадуются страждущие! Но не токмо...

Ощутимый тычок кулаком под дых заставил юродивого мгновенно заткнуться.

– Его зовут Анатолий по фамилии Кожура, но он выдаст себя за преподобного Сержа Николаева-Ачинского, – пояснил подошедший ближе к майору Феликс Эдуардович. – У больного имеет место навязчивый бред, галлюциногенные состояния, скрытые и отчетливо проявленные комплексы. Шизофрения в ярко выраженной степени. Скорее всего, это последствия родовой травмы головного мозга...

– Головного мозга, говорите? – перебил врача майор. – Мозг это не жизненно важный орган. Отсутствие головного мозга не входит в перечень заболеваний, препятствующих несению воинской службы. У этого кабана нет мозга! А зачем он ему? У него бицепс есть! Косишь, да? От армии решил закосить? А кто будет Родину защищать? Кто?

– Зоофилия есмь грех, – забормотал юродивый. – Даже ежели кто-либо из вас есмь зоофил – прелюбодей – ското-

ложник и с лошадыю или же со козою да быком совокупление имел множественное, то господь простит сие при покаянии искреннем. Но для сего надобно на исповедь сходить во храм, или же поведать прилюдно о грехах сиих, а опосля молиться денно и ношно, дабы диавола из себя изгнать, ибо оный сатана вновь возвратит вас на грех искушения и соития со скотом.

– Складно чешешь! Политруком будешь! – ухмыльнулся майор. – Мы тебя быстро вылечим от соития со скотом! Бога и дьявола нет! Наши вожди Ленин и Сталин воистину и во веки веков! Аминь! А ты что тут делаешь?

Вопрос был обращен ко мне.

– Не знаю, – я тупо пожал плечами. – Вот доставили.

– Его доставили из режимной зоны, – пояснил Феликс Эдуардович. – Имел место быть бред. Частичная амнезия. Утверждает, что прибыл к нам из параллельного мира.

– Параллельного мира? – майор выпучил на меня рыбы глаза водосточного цвета. – Не врешь?

Я промолчал.

– Язык прикусил, конспиратор, – ухмыльнулся майор. – Ничего. Пара марш бросков с полной выкладкой и ты забудешь обо всех параллельных мирах.

– Вы его тоже хотите забрать? – спросил Феликс Эдуардович. – Но должен предупредить, что он не имеет каких-либо настоящих документов. При нем была только ксива странно-го образца. Витя, принеси его эту ксиву. Там у меня на сто-

ле она.

Один из санитаров ринулся в коридор и вскоре принес мой паспорт. Майор его лениво перелистал, после чего в упор глянул на меня.

– Итак, кто ты там на самом деле мне неинтересно знать. Вижу, что здоровенный бугай и симулянт. А в военный билет так и запишем данные вот с этой херни, – он помахал перед моим носом паспортом. – Поздравляю. Будешь исполнять почетную обязанность воина СССР.

– Мне уже двадцать восемь. Я вышел из призывного возраста. И я уже служил! – возразил я.

– Рано обрадовался. Призывной возраст в стране советов до тридцати лет. Еще послужишь, – махнул рукой майор и шагнул к моему соседу Роману.

– Ты кто тут? – спросил он.

– Я принц с далекой планеты Оум, – гордо произнес Роман. – Не трогайте меня. Иначе мои воины будут мстить.

– Твои воины? Будут мстить? – майор испуганно отшатнулся. – Кошмар! Я аж обделался со страха! А сам не хочешь стать воином и наводить ужас на врагов?

– Я был великим воином, – спокойно ответил Роман. – Но меня лишили моего истинного могучего тела и направили на вашу планету.

– Самые великие воины это бойцы армии СССР. Из тебя сделают величайшего воина всех времен и народов, – майор раскатисто захохотал и направился далее вдоль шеренги

психов. Пройдя ее до конца, он вернулся к нам.

– Этих троих симулянтов я забираю, – решительно заявил он.

– Господи! – возопил юродивый. – Токмо тебе ведомо во истину, кто идиот полный, а кто к просветлению идет, кто во грехе, как в навозе по уши погряз, а кто под живительной водой веры истинной омовение вершит. Господи вразуми...

Тяжелый удар под дых заставил юродивого согнуться по полам. Майор удовлетворенно потер ладонью правый кулак.

– Призывник Кожура, еще хоть одно слово про господа, и я буду просветлять тебя ногами, – грозно заявил он. – Ты меня понял?

– Ыыыы, дааа, – тяжело взвыл юродивый, с трудом распрямляясь.

– Должен предупредить всех троих. Попытаетесь сбежать, вас поймают. А за побег и уклонение от службы до пяти лет зоны. Вопросы есть?

Мы молчали.

– Вопросов нет. А теперь одеться и на выход бегом марш. Время пошло.

Глава 5

НАШ ПУТЬ НА ЗАПАД

Тяжело лязгнули железные двери. Военизированный конвой вывел нас на улицу. Снова тот же двор с вышками. Напротив бетонного крыльца, поросшего по трещинам сырым мохом, стоит микроавтобус цвета хаки с маленькими, будто бойницы окнами. Дверь его открыта.

– В машину! – скомандовал один из конвоиров.

Сиденья жесткие. Обтянуты черным шершавым дерматином. Воняло бензином. Мне досталось место возле окошка. Рядом уселся воин с планеты Оум он же Роман Дуров. Юродивый, он же Толя Кожура расположился позади меня. Конвой рассредоточился по свободным местам. Майор опустил свою широкую задницу на место рядом с водителем. Автомобиль фыркнул, забурчал двигателем и резко рванул с места.

Выехали за ворота. За окнами промелькнули ели, да сосенки, и вскоре мы вырвались на широкую городскую улицу, по обеим сторонам которой высились панельные многоэтажки. По ней сновали легковушки неизвестных мне марок и степенно катили автобусы. Будничный день вступал в свои права, и народ спешил по своим делам.

Я обратил внимание на полное отсутствие каких-либо рекламных щитов. Лишь изредка на нижних этажах домов встречались вывески с надписями «Гастроном», «Универмаг», «Кафе-бакалея», «Соки-воды». Красные плакаты с лозунгами «Народ и Партия едины!», «Мы к коммунизму держим путь!», «Слава КПСС!» и прочие атрибуты идейно-воспитательного содержания встречались повсеместно.

Да уж, этот Красноярск разительно отличался от того, в котором я жил в ином измерении. Я не узнавал его и не понимал, в какой части города нахожусь. Многоэтажная застройка, закрывала собой широту пространства. Это не позволяло мне зацепиться взором за окружающий природный ландшафт с его горными отрогами Куйсумского хребта и определить, свое местоположение. Но уже вскоре перспектива улицы впереди открылась видом на знакомый силуэт Караульной горы с часовой, венчающей ее вершину, и я сообразил, что мы подъезжаем к историческому центру города с западной стороны.

Миновали мост над железнодорожными путями.

Центр города встретил меня знакомыми старыми зданиями. Я узнал Проспект Мира. Но здесь, судя по вывеске, он имел название «Проспект Сталина». Пересекли проспект, несколько поворотов, и вскоре подъехали к трехэтажному зданию из желтого кирпича, в котором я узнал краевой призывной пункт. Он был точно такой же, как и в моем мире, откуда я в свое время направился в Вооруженные силы

России. Перед микроавтобусом открылись железные ворота в бетонном заборе, и он въехал на широкий асфальтированный двор. На какой-то миг мне показалось, что я вернулся в свой мир, когда увидел все тот же плац в пределах периметра забора и маячащих на нем группами и поодиночке призывников, в ожидании отправки в войска.

– Выходим! – скомандовал майор и выбрался из автобуса. Мы не заставили себя долго ждать. Выбрались вслед за ним.

К майору подошел долговязый лейтенант с длинными, как у гориллы руками. Его продолговатая физиономия была похожа на морду коня в фуражке.

– Вот, – майор показал на нас. – Как и обещал. Орлы!

Лейтенант окинул нас критическим взглядом и удовлетворенно кивнул.

– Здесь документы на них, – майор отдал ему коричневую папку и показал на меня. – На этого только поддельная ксива есть. Данные с нее возьмешь.

– Разберемся, – ухмыльнулся лейтенант.

– Ну, бывай. С тебя бутылка, – майор хлопнул лейтенанта по плечу и нырнул в микроавтобус. Тот развернулся и выехал за ворота.

Лейтенант приблизился к нам. Его взгляд был мутен, неприветлив и не обещал ничего хорошего.

– Вас привезли из психушки, – произнес он пропитым голосом. – Я лейтенант Харченков. Со мной шутки плохи. Не советую больше симулировать. Сейчас вы пройдете

со мной. Вам оформят военные билеты и выдадут сухой паек на дорогу. Шагом марш!

– А комиссия! Где медицинская комиссия! – нервно выкрикнул юродивый Кожура.

Лейтенант медленно обернулся.

– Какого хрена? Все комиссии вами давно уже пройдены наперед, – зловеще произносит он. – Все вы признаны годными к военной службе. Еще вопросы есть?

– Никак нет, – промямлил Кожура.

– Очень хорошо. Все за мной.

Мы гуськом тронулись за лейтенантом, вошли в здание сборного пункта и поднялись по лестнице. Всё здесь, так же как и тогда в моем мире в тот день, когда я покидал гражданку. Всё те же затертые множеством ног бетонные ступени, крашеные стены, серые двери и серые фигуры новобранцев в коридорах.

– На подстрижку, – лейтенант указывает на одну из дверей, – А потом ждите меня здесь.

За дверью комната с кафелем на стенах. Пара стульев. Возле них два хмурых бойца в клеенчатых фартуках ловко орудуют стригущими электрическими машинками над головами новобранцев. Стригут наголо. Процесс идет быстро. Минута – другая и подходит наша очередь.

– Мне не надобно сие, – гордо заявляет Кожура. – Я с детства предчувствовал свое предназначение истинного воина и подготовился заранее в лысом виде к несению воинской

службы.

– Ты хорошо подготовился, – соглашается один из парикмахеров. – Пошел отсюда!

– Мне, пожалуйста, виски прямые сделайте, – нагло ухмыляется Роман.

Через пару минут мы лысые покидаем парикмахерскую. В коридоре напротив двери на скамье нас ждет Кожура. Мы садимся рядом с ним.

– Красавцы! – восторженно восклицает он. – Короче, ребята, мы встряли! Хана! Теперь от звонка до звонка! Да и хер с ним! Напишу из армии папаше с мамашей, что жив и здоров. А то они уже в трансе полном. Уверены, что их единственный сынок рехнулся напрочь. Пусть же обрадуются и возгордятся.

Таращусь на Кожуру. Удивлению моему нет предела. Это ж надо так уметь притворяться! Этот юродивый вел вполне себе адекватный разговор. Его помешательство, как водой в унитаз смыло.

– Так ты это что? Так ты в дурке откосить пытался? – спрашиваю я. – Ты не псих?

– Можно подумать, что ты псих? – хмыкает Кожура. – Придумал тоже! Пришелец из параллельных миров. Сам додумался, или кто подсказал?

– А он? – я мотнул головой в сторону Романа.

– Тоже симулянт! – уверенно заявил Кожура и хлопнул Романа по плечу. – Ты симулянт?

Роман, молча, кивнул.

– Выходит – вы уклонисты чертовы не желали служить Родине своей! – возмутился я. – И вот из-за таких как вы у нас СССР и развалился! Как вы могли так поступить? Я лично в своем мире отдал свой долг стране. Служил в мотострелковой части. И все потому, что не мог поступить иначе. А вы... Эх вы... У меня слов нет!

Кожура и Роман переглянулись. Кожура покрутил пальцем у виска. Роман пожал плечами.

Оба молчали, и я тут же сообразил, что в своем негодовании сморозил лишнего про свой мир. Иначе как сумасшедшим я и не выглядел в глазах этих негодяев. Да и что с ними разговаривать?

Больше ничего не сказал. Замкнулся в себе.

– Воистину пути Господни неисповедимы, – неожиданно забормотал Кожура. – И не судите, да не судимы будете, ибо каждый уже осужден свыше, и что день грядущий готовит нам, знает токмо отец наш небесный. Какими мы будем завтра не дано знать, ибо апокалипсис духовный грядет пред каждым из нас, и свет великий чрез устремление в духе святом может озарить душу грешную в каждый миг существования нашего.

– Заткнись, – Роман мрачно глянул на Кожуру. – Ты чего пургу опять несешь?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Обидно. Так все было хорошо. Феликс уже готов был справку выдать и тут на тебе!

Да и ноутбук жалко. Сломал зря.

– Откуда из тебя вся эта хрень лезет?

– Не знаю, – Кожура снова пожал плечами. – Может быть потому, что у меня философский склад ума. Я прирожденный философ и могу часами размышлять о смысле жизни.

– В задумчивости над смыслом жизни можно реально рехнуться, – уверенно произносит Роман. – Долго нам еще тут сидеть? Я в сортир хочу.

– Сортир недалеко. За углом коридора, – я мотнул головой в сторону.

– А ты откуда знаешь? – удивленно спросил Роман.

– Он настоящий псих, – ухмыляется Кожура. – Ему свыше голос сообщает.

– Знаю по запаху, – объясняю я, припоминая, как посещал эту комнату в своем мире.

– А, понятно. Я сейчас.

Он срывается с места и скрывается за углом.

Дверь по соседству со скамейкой открылась, и в проеме показалась физиономия Харченкова.

– Все ко мне! А где...

– Он рядом в сортире. Приспичило, – пояснил Кожура.

– Тащи его сюда!

– Я тут! Тут! – Роман выскочил из-за угла, на бегу подергивая штаны.

Вошли в просторный кабинет. За широким письменным столом возле окна сидит сумрачный ефрейтор. Стол завален

стопками каких-то бумаг и папок. Правый угол стола занимает открытый ноутбук. На тумбочке принтер. На столе вижу свой паспорт и три красные книжечки. Это военные билеты.

– Садимся на стул по очереди, – буркнул ефрейтор, ткнув пальцем за наши спины, и достал из ящика стола фотоаппарат.

Я оглянулся. Справа от двери на фоне висящей на стене белой простыни стоит стул. Первым сажусь на него. Не сходя с места, ефрейтор наводит на меня объектив.

– Следующий!

После короткой фотосессии с нами, ефрейтор еще некоторое время тупо и долго колдует на клавиатуре ноутбука.

– Сычев, ты чего возишься? Давай быстрее! – торопит его лейтенант.

– Куда быстрее-то? Зачем? Солдат спит – служба идет, – бормочет ефрейтор.

– Я тебе посплю! О дембеле думаешь? Мыслями уже дома? Когда у тебя дембель?

– Этот призыв закончится, и домой.

– Через неделю, значит. Понятно с тобой все. Что будешь на гражданке делать?

– Сначала набухаюсь, отдохну пару недель, а потом работать пойду. Меня в райком комсомола обещают пристроить инструктором.

– Инструктором? В райком? Врешь, однако, – лейтенант

недоверчиво скривил лошадиную физиономию.

– Что мне врать-то? Я искренне предан идеям коммунизма. Ленина читал.

Принтер загудел. Из него медленно вылез лист бумаги с нашими фото. Ефрейтор аккуратно вырезал их, смазал клеем, прилепил в военные билеты и приложил на них печать.

– Все, – облегченно выдыхает он. – Держите, вояки. Храните их, как свои яйца!

Мы прячем военные билеты в карманы пижам.

– Пошли дальше! – приказывает лейтенант.

Дальше был склад. Здесь нам выдают армейские вещмешки с сухим пайком в виде черствой буханки серого хлеба, банки сгущенки и двух банок тушенки.

– Все сразу не жрать! Это вам на день, – предупреждает лейтенант. – Пошли дальше!

Дальше был зал ожидания с лежанками, обшитыми коричневым дерматином, обсиженными десятками лысых новобранцев. Здесь воздух был пропитан душным запахом пота, замешанного на хмельном перегаре. Лейтенант подводит нас к группе молодых людей в количестве восьми, устроивших на одной из лежанок импровизированный стол. На нем среди пластиковых стаканов, нарезки колбасы, банок с кильками, кусков хлеба и сала стоит початая бутылка водки.

– Вот, – лейтенант указывает на молодых людей. – Это ваша команда. Номер 114. Сидите тут и ждите оповещения. Отправка примерно через пару часов.

– Товарищ лей... , товарищ лейтенант, – заплетающимся языком выдавливает из себя один из участников застолья. При этом его рот блещет металлической фиксой. – А я не хочу в стройбат. Я желаю отдать Родине свою честь с оружием в руках. Можно меня...

– Можно Машку за ляжку, – прерывает его лейтенант. – Отставить разговоры! Бухайте поменьше! Чтобы у меня все на ногах стояли при отправке! Иначе поедете служить на южный берег Северной земли.

– Так точно, твердо стоять на ногах! – обладатель фиксы гордо вскидывает голову и, приложив правую ладонь к виску, провожает уходящего лейтенанта мутным взглядом, затем широко разводит руками.

– Присаживайтесь братаны! Меня Серегой зовут, а вот это Степан. Мы вместе с ним зону топтали. Тут мы все ребята серьезные. В натуре, кореша?

Все кореша дружно, как один закивали в ответ. Мы присаживаемся на лежанку.

– А вы откуда такие? – спросил Степан. – Вас будто прямиком с зоны пригнали. Но вы в странную робу вбились.

– Нас с психушки привезли, – пояснил Кожура.

– Так вы психи?

– Были, но уже вылечились.

– Ну, да! – Степан недоверчиво уставился на Кожуру. – Псих, это навсегда.

– Армия лечит все, – поясняю я.

– Точно, братан! – Серега хлопает меня по спине ладонью. – Армия – лучший доктор! Выпьем за армию!

– Выпьем, – соглашаюсь я.

– Степан! Еще три пластика!

Степан достал из-под лежака три стаканчика, и в них с веселым бульканьем потекла водка. Она теплая и противно застревает в горле.

– А куда нас повезут? Кто знает? – спрашивает Роман, прожевав кусок сала.

– В Благовещенск. В стройбат, – отвечает Серега.

– В стройбате деды лютые, – хмуро произносит Степан.

– Главное вместе держаться. Тогда мы всех дедов зажмем, – самонадеянно заявляет Серега. Точно я говорю, кореша?

Все опять дружно кивают.

– Зажмем, зажмем.

Некоторое время все сосредоточенно жуют.

– Опять Харя идет, – настороженно произносит Серега, глядя мне за спину. Я оглядываюсь. К нам приближается лейтенант вместе с каким-то коренастым широкоплечим сержантом.

– Вот, все что есть. Выбирай, – ухмыляется лейтенант.

Сержант цепким взглядом изучает нашу компанию. Его широкую грудь украшает краснознаменный гвардейский знак и еще несколько армейских значков.

– Вот эти в сером, – уверенно произносит он после недол-

гих раздумий.

– Их из дурдома привезли. Они симулянты, – предупреждает лейтенант.

– Мне пофиг. Я их забираю.

– Как скажешь, гвардеец, – пожимает плечами лейтенант. – Психи, подъем! Смирно!

Мы вскочили на ноги.

– Моя фамилия Сукорюкин, – представился сержант. – Вам выпала честь служить в краснознаменном гвардейском мотострелковом полку имени Ленинского комсомола. Следуйте за мной!

– А я! Я тоже хочу в гвардию! – завопил Серега.

– Четвертый лишний, – ответил сержант и направился к лестнице. Мы переглянулись и ринулись за ним.

Спустились во двор на плац.

– Команда 117 ко мне! – зычно крикнул сержант. – В две шеренги становись!

Примерно два десятка человек сбежались в центр плаца и построились в линию. Сержант оглянулся на нас.

– А вам что пинка под жопу? Быстро в строй!

Мы дополнили шеренгу по правому флангу.

Сукорюкин забрал у всех новобранцев военные билеты, сложил их в полевую сумку, затем вытащил из нее какие-то бумаги и, заглядывая в них, провел перекличку.

– Товарищ сержант! Товарищ сержант! – жалобно заскулил, кто-то из призывников. – А я... А мне в туалет...

– Отставить разговоры в строю! Раавняйсь! Смирно! Налееву! Шагом арш!

Ворота перед нами открылись. Наш неровный строй покинул двор сборного пункта. На миг остро пронзило ощущение, что я сплю. После дембеля на гражданке мне не раз виделась сны, где я вновь и вновь проходил армейскую службу. Вновь и вновь во снах я проходил эти ворота. Но теперь это был не сон. Это был бред. Мне вдруг стало весело. Еле сдержался от нервного хохота.

За воротами нас ждал небольшой автобус. Его двери были открыты.

– Прыгайте быстро! – скомандовал сержант.

В автобусе было жарко. За рулем сидел потный круглолицый мордovorот с погонами младшего сержанта и лениво потягивал пиво из бутылки.

– Все сели? – спросил он, не оборачиваясь, и бросил пустую бутылку через открытое окно на газон.

– Гони, – махнул рукой вперед Сукорюкин. – Времени в обрез. За полчаса доехать надо.

– Нет проблем. Держитесь крепче, – ухмыльнулся водила.

Двери автобуса закрылись, и он рванул с места. На повороте при выезде на улицу его ощутимо накренило.

Сидящий со мной по соседству Кожура весомо навалился на меня.

Автобус мчался по улицам, виляя задом и обгоняя авто. В нем все скрипело, хрипело и лязгало.

– Наш путь на кладбище! – послышался сквозь этот шум чей-то возглас.

– Отставить разговоры! – прикрикнул Сукорюкин.

Я не забывал смотреть по сторонам. Дома, машины, люди. Мы выехали из исторического центра с его старыми зданиями. Автобус покатиł среди новостроек, и я снова перестал понимать, где мы. Вскоре выехали на загородную трассу. Водила втопил педаль газа на полную. Движок дико взревел, готовый взлететь из-под капота.

По сторонам дороги раскинулись поля с перелесками. Вдали просматривалась малоэтажная застройка каких-то поселений. Изредка на обочинах мелькали плакаты с разными социалистическими лозунгами.

Трасса с разделительной полосой была широкая. Справа промелькнул дорожный указатель с надписью «п. Емельяново». И это были знакомые для меня места. Мы ехали на запад.

Поселок раскинулся на километры справа от дороги своей малоэтажной застройкой с огородами.

Развязка в разных уровнях. Мы сворачиваем по ней налево и несемся дальше. Да мы никак в аэропорт рулим!

Не ошибся. Поворот направо. Дорога пересекает лес.

Жилые пятиэтажки справа. Слева широкая площадь с автомобилями. За ним стеклянное здание аэропорта. Само собой, что здесь оно не такое, как там у нас. Здание похоже на гигантский аквариум. По верхней кромке фасада

надпись объемными красными буквами «Аэропорт Красноярск». Над входом в здание огромный портрет Ленина из цветной мозаики.

Проезжаем мимо, сворачиваем налево и через ворота в бетонном заборе вырुливаем напрямиком на летное поле.

Автобус останавливается возле большого серого самолета с красными звездами на бортах и крыльях. Самолет неизвестной мне модели. Его объемное брюхо в хвостовой части открыто. Неподдалеку стоит пара вертолетов. Вдали виднеются еще несколько крылатых машин. Слышен звук реактивных двигателей. Пахнет керосином.

– Выходим! – командует Сукорюкин.

Мы выбираемся из автобуса.

– Загружаемся, быстро! – Сукорюкин показывает на зияющее чернотой нутро самолета. Мы взбегаем туда по широкому пандусу.

Внутри самолета все пространство доверху заставлено какими-то ящиками, тюками и контейнерами.

– А где? – недоуменно озирается по сторонам Кожура. – Где тут сидеть? Где кресла?

– А тебе, что? Салон люкс подавай? В нашей попутке вот на этой доске будешь сидеть, – Сукорюкин тычет пальцем на узкую деревянную скамью вдоль борта. – За пять часов полета не развалишься. Все лучше, чем на поезде в вонючем вагоне четверо суток пилить.

– А куда летим? – любопытствовал я.

– Наш путь на запад. Ленинград. Сертолово, – ответил он.

– А часть? Номер части какой?

– А тебе зачем? – насторожился сержант.

– У меня друг служил в Сертолово-2, – нашелся, что ответить я. – В мотострелковой части служил.

– Да, мы туда и направляемся. Военная часть 37551. Это наш двести семидесятый гвардейский мотострелковый Ленинградский Краснознаменный ордена Кутузова полк, – гордо ответил сержант. – Этот полк ведет свои традиции от Копорского полка созданного еще царем Петром Великим более трехсот лет назад. Понял, куда ты едешь, симулянт? Мы там из тебя настоящего воина сделаем!

– Понял, – едва слышно ответил я мгновенно пересохшим горлом. Было от чего. Это была та самая часть, где я служил в своем мире несколько лет назад.

Глава 6

ЛЕНИНГРАД – ПИТЕР – СЕРТОЛОВО

Мы расселись в рядок на скамью, словно птицы на жердочке. Пандус медленно поднялся, подобно челюсти бегемота, и закрыл брюхо самолета. Иллюминаторов в его бортах не было и внутри стало темно, но темнота была недолгой. Под потолком тускло зажглись несколько ламп, превращая темноту в сумрак.

– Послышался свистящий звук реактивных двигателей. Самолет дрогнул, и я всем телом ощутил, как он медленно покатил по бетону.

Звук нарастал. Самолет остановился, корпус его задрожал, а затем рванул вперед так, что мы едва не слетели со скамьи.

Взлет.

Тряска резко закончилась. Звук двигателей ушел куда-то назад. Заложило уши, но вскоре отпустило.

Мы летим.

Впереди пять часов полета. Еще максимум часа полтора пути от Питера до Сертолово. Менее чем через семь часов я

вернусь в часть, где служил. Но какая она здесь?

Интересно, какое оружие у местных пехотинцев? Все те же АК-47 или что-то новое? А что может быть тут нового? Этот автомат настолько прост и неприхотлив, что его трудно сделать лучше. Разве, что какое-нибудь лазерное оружие типа фантастического бластера? Помню, как от нечего делать мы, уже, будучи смотрящими на дембель, вечерами соревновались в разборке-сборке автомата на время. Я мог это сделать менее чем за двадцать пять секунд. Стрелял я тоже неплохо.

Впрочем, судя по тем черным танкам, которые я видел, вполне возможно, что и стрелковое оружие здесь уже другое. Может быть, и автомата Калашникова здесь никогда не было. А может и самого Калашникова этот мир не породил.

Ладно. Что гадать-то? Скоро узнаю. Все узнаю.

* * *

Историческая справка:

Сертолово (фин. Sierattala) – город (с 1998) во Всеволожском районе Ленинградской области. Центр муниципального образования Сертолово.

Слово Сертолово – «Sierattala» – финского происхождения, в переводе – «перемещенный», такое название обусловлено историческими событиями: переселением финнов в на-

чале XVIII века поближе к Петербургу.

По данным 1862 года деревня Сертолово, расположенная при речке Безымянной, отстояла по Выборгскому почтовому тракту в 27 верстах от Санкт-Петербурга и относилась к Осинорощинской волости Санкт-Петербургского уезда. В деревне насчитывалось тринадцать дворов, в которых жили 32 человека мужского и 39 женского пола. Население было преимущественно финским.

В Осинорощинской волости находились также деревни Черная Речка, Лупполово, Дранишиково, Мендсари, Мистолово, Порошкино, Корабсельки, Юкки, Осиновая Роцца, Дыбун, платформа Графская (ныне Песочная) и платформа Левашово. В деревнях Лупполово, Мендсари, Юкки, Дыбун имелись земские школы, а в Юкках, кроме того, был фельдшерско-акушерский пункт, в Графском – врачебная амбулатория. В 1939—1942 годах финское население было принудительно выселено.

В 1936 году начал строиться военный городок, состоящий из жилых районов Сертолово-1, Сертолово-2, Черная Речка, Осиновая Роцца и Гарболово.

С сентября 1942 Сертолово оказался в блокаде. Для ведения боевых действий использовалась железнодорожная ветка. Во время войны застройка населенного пункта была сильно разрушена: в жилых районах Сертолово-1 осталось три, а в Сертолово-2 – два, четырех этажных 24-квартирных дома. Массовое жилищное строительство на-

чалось с 1952г. и особенно интенсивно – с 1966г. в основном для офицеров запаса. Строительство многоэтажных домов и зданий соцкультбыта началось в 70—80 годы.

В 1969 – 1974г.г. были оборудованы четыре скважины по улице Заречной, а в1977г. – подведена Невская вода. В октябре 1965г. началась газификация поселка. Подъем жилищного строительства сопровождался быстрым ростом населения: с1969 по 1989г. численность выросла на 12 тыс. и составила 15 тыс. чел.

В 1962 г. на базе цеха по распиловке древесины (КЭУ ЛенВО) был образован Сертоловский деревообрабатывающий комбинат. В 1965г., после введения новых цехов (столярного и металлоконструкций) он получил название Сертоловский деревообрабатывающий промышленный комбинат. Строительство осуществлялось в основном по проектам института «Военпроект-407».

27 октября 1998 года, Законодательным собранием Ленинградской области был принят областной закон №40-оз «Об отнесении посёлка Сертолово Всеволожского района к категории городов областного подчинения».

(«Леноблинформ»)

* * *

Тычок в бок справа заставил меня повернуть голову. Ко-

жура украдкой совал мне пластиковый стакан.

– Держи. Добрые люди передали.

Молча мотнул головой.

– Тогда дальше передай.

Слева от меня сидел Роман. Он был последним в ряду.

– Не хочу, – отказался и он. – Я от водки в самолете блюю.

– Слабаки, – презрительно скривился Кожура и опрокинул стакан себе в рот.

– Откуда вонища! – послышался возглас Сукорюкина.

В отличие от всех нас, он лениво валялся на объемном брезентовом тюфяке. – Кто бухает? Признавайтесь, суки! Что молчите? Кого бухим засеку, тот на очке в части сгниет, бля!

Вы в колыбель революции летите! Чтобы все имели вид крутой и трезвый! Поняли? Кто не понял?

– Товарищ сержант! А нас на экскурсии в Ленинграде будут водить? – спросил кто-то из новобранцев.

– Ты мне зубы не заговаривай! Какие еще экскурсии?

– Я в Эрмитаже хочу побывать. Там, говорят, красиво.

– Ага, сейчас! – Сукорюкин отрывисто хохотнул, будто отрыгнул. – Экскурсии у тебя будут на учебное поле, строевой плац и стрельбище. Там тоже красиво. Красиво, когда мотострелковая цепь идет в наступление, красиво, когда строй солдат, как машина чеканит шаг, красивы трассирующие пули ночью. Вот это красота! Ты про все Эрмитажи с такой красотой забудешь!

– А увольнительные будут?

– А увольнительные будут?

– А увольнительные будут?

– А увольнительные будут?

– А увольнительные будут?

– Будут. Если будешь стрелять на отлично и выполнять все нормативы. Лучшие курсанты учебки у нас поощряются.

– А стрелять будем из автоматов? – не сдержал я любопытства.

– А из чего же еще? Автомат АК-47М. Это лучшее стрелковое оружие в мире.

– Что значит буква М?

– Модернизированный, значит. А что? Не терпится с автоматом по грязи поползать?

– Всю жизнь мечтал, – ухмыльнулся я.

– Мечты сбываются, – мрачно произнес, кто-то из новобранцев.

– Все! Отставить разговоры! – грозно произнес Сукорюкин и откинулся на тюфяк, – Командир спать будет!

– С автоматом, значит, ползать будем, – едва слышно проворкотал Кожура. – Вот же угораздило. Как же херово, что у нас в институте не было военной кафедры! Воистину пути господни неисповедимы. Время разбрасывать камни и время собирать оные. Всему свое время и время всякой вещи под небом. Время безверия и время веры великой. Какими мы будем завтра не дано знать, ибо апокалипсис духовный грядет пред каждым из нас и свет великий чрез устремление в Духе Святом может озарить душу грешную в каждый миг существования оного.

– Заткнись, и без тебя тошно, – прошипел Роман.

– Мне выплеснуться надо, а иначе совсем во мрачное рас-

положение духа впаду, – пояснил Кожура.

– Держи свое говно при себе. Дебил.

– Дебилы это мускулы человечества, – пояснил Кожура, – А я мозг. Мне поговорить надо. Снять нервное напряжение, так сказать. Темные мысли одолевают. А вы все кругом непросветленные люди. Не ощущаете тонких эманаций духовного мира. Тебя вот Дуров из какого института выгнали на последнем курсе? Ты кто? Ты недоделанный и приземленный технолог по переработке древесины. Я же законченный философ по призванию и образованию. Но материализм в виде Марксизма-Ленинизма мне претит своим примитивизмом. Меня привлекают изысканные восточные учения, мрачные идеи Ницше, мистика Блаватской. Я ищу истину. А искание истины – величайший признак настоящего человека. Искание же славы – стремление превосходства в стаде.

– Ты не искатель истины, – возразил Роман. – Ты опасный идеологический апологет империализма.

– Да мне плевать, кто я. Главное, что мне это нравится. Я постоянно развиваюсь и вижу, как вокруг меня люди деградируют духовно. А духовно горбатого и могила не исправит. Кстати, а наш коллега по дурдому, кто по специальности? Ты кто? – Кожура ткнул меня локтем.

– Архитектор, – коротко ответил я.

– А где учился?

– В Красноярской архитектурно-строительной академии.

– Ничего себе! Ты учился в академии? А где такая у нас?

– Есть такая.

– Врешь. Я знаю, что у нас политех архитекторов готовит. Академии у нас нет. Что-то ты гонишь.

– Не хочешь, не верь, – отмахнулся я.

– И военной кафедры у вас не было, если загремел в армию?

– Не было.

– А в политехе военка есть. У меня знакомый оттуда. Он теперь лейтеха. Прошел сборы и лейтеха. И в армию не надо ходить. Вот же повезло. А ты гонишь, что-то.

– Он из параллельного мира. Там учился, – встрял в разговор Роман.

– А, дааа, – Кожура многозначительно закивал. – Точно, как же это я забыл. Ты же гость из параллельных миров. Там все возвышенно, одухотворенно и совершенно. Но никто не знает, что такое абсолютное совершенство, а я знаю. Абсолютное совершенство это гармония дьявольского и божественного. И зачем же ты к нам сюда направился из этой абсолютной гармонии?

– Хотел от армии откосить, – пояснил за меня Роман. – Толя, завязывай с разговорами. Ты меня в дурдоме достал, а теперь здесь продолжаешь. Философ хренов. Утомил. Зря тебя симулянтom признали. Псих ты натуральный.

– Да, я псих, – согласился Кожура. – Но у психа есть преимущество. Знаете какое? Он не может сойти с ума.

– Почему? – тупо спросил Роман.

– Потому, что уже сошел, – Кожура свистяще захихикал. – А вам всем это еще предстоит. Но знайте, что правильно сойти с ума это большое искусство.

– Вообще-то, если точнее сказать, ты дурак, а не сумасшедший. Разницу понимаешь?

– Сам дурак.

На том беседа завершилась. Кожура резко сник, понуро склонив голову. Через пару минут его глаза закрылись, а нижняя челюсть расслабленно отпала. Вид он обрел во сне крайне дебилный.

– Жрать охота, – Роман посмотрел по сторонам. – Где бортпроводница? Почему нам не разносят ланч?

Я достал из вещмешка банку тушенки, сорвал за кольцо крышку и пальцами подцепил жирный кусок мяса.

Роман последовал моему примеру.

– Смирно!!! – раздался ни с того ни с сего истошный вопль Сукорюкина. Сержант резко подскочил на тюфяке и ошалело закрутил головой по сторонам.

Кожура проснулся и тупо вскинул голову.

– Приснилось что-то, товарищ сержант? – участливо спросил кто-то из новобранцев.

Сукорюкин только головой тряхнул и отмахнулся.

– Приятных вам снов, товарищ сержант.

* * *

Позади почти пять часов полета. Моя задница задеревенела на этой скамье окончательно, а позвоночник превратился в осиновый кол.

Кожура навалился на меня плечом и храпит мне в ухо. Пытаюсь его оттолкнуть, но он вновь и вновь тяжелым мешком падает на меня.

Роман сидит молча. Взгляд его отрешен.

Справа изредка слышится пьяный гогот. Сукорюкин спит, и некоторые новобранцы, пользуясь отсутствием должного контроля с его стороны, все же набрались до кондиции.

Самолет мощно качнуло раз, другой. Заложило уши. Похоже, что началось снижение.

Сукорюкин проснулся, приподнял голову и тупо смотрит по сторонам.

– Вставай! Хватит дрыхнуть! – я толкаю Кожуру плечом.

– А? Что такое? Какие санитары?! – вскрикивает он.

Касание колесами посадочной полосы. Рев двигателей на реверсе. Торможение. Остановка.

Двигатели стихли.

Брюхо самолета распахнулось, и в его нутро хлынул яркий дневной свет.

– На выход! – скомандовал Сукорюкин.

Выходим из самолета по пандусу, жмурясь от яркого солнца.

Я осмотрелся по сторонам. Мы на летном поле. Вокруг десятки разных самолетов. Вдали распласталось здание аэро-

порта, но вид у него иной, нежели аэропорт «Пулково» с его стеклянными световыми фонарями. Здешний аэропорт это монументальное сооружение, напоминающее собой мощную гранитную крепость. Наверху этой крепости красуется объемная белая надпись: «Ленинград – город герой».

К Сукорюкину подходит капитан в черной летной форме.

– Как, гвардеец? Нормально долетели?

– Спасибо, товарищ капитан! Все ништяк!

– Ну, бывай! Передавай привет полковнику Звереву.

К самолету подруливает военный грузовик. Его кузов накрыт брезентовым тентом.

– К машине! – командует Сукорюкин.

Мы забираемся в кузов и рассаживаемся на деревянные скамьи.

– Круто, – пыхтит Кожура. – Транспорт подают прямо на летное поле, как членам политбюро. А где красная ковровая дорожка?

Сукорюкин сдвигает тент по заднему борту, полностью закрывая нам обзор. Слышится стук двери. Похоже, что сержант занял мягкое место в кабине.

– Вот же изверг. А я так Ленинград посмотреть хотел, – пробормотал Гоша Косицин. Тот самый новобранец, который спрашивал про экскурсии в Эрмитаж.

– Посмотришь еще. После дембеля, – ехидно произносит за моей спиной Вадик Павлов, пожелавший Сукорюкину приятных снов. У Вадика хорошо подвешен язык и за сло-

вом он в карман не лезет. Всю вторую половину полета он травил политические анекдоты.

Машина поехала.

Я тоже хотел бы посмотреть этот Питер – Ленинград, но видать не судьба сегодня.

* * *

Как я и предполагал, ехали мы чуть более часа. Все это время словоохотливый Вадик Павлов, не переставая, трещал анекдотами про армию, Ленина и Чапаева. Кожура и Роман тоже не отставали от него и травили анекдоты про евреев, немцев и русских. Все хохотали кроме меня. Я чувствовал, что сам попал в какой-то анекдот, и мне было не до смеха.

– А ты чего загрустил? – Кожура хлопнул меня ладонью по плечу. – Расскажи анекдот. Что знаешь?

– Я долго не думал и рассказал первое, что пришло на ум. Это был анекдот про Штирлица.

Никто не засмеялся.

– Кто такой Штирлиц? – спросил Кожура.

Я сообразил, что сболтнул лишнее, как тот Штирлиц из анекдота. По всему здесь не знали героя этого фильма, да и самого фильма тоже.

– Кто такой Штирлиц? – снова настырно спросил Кожура.

– Супергерой из параллельно мира, – решил отшутиться я.

– Не смешно, – скривился Кожура и рассказал анекдот о поручике Ржевском. Этот супергерой, видно по всему, имел место быть и в этом мире.

Глава 7

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Машина остановилась. Послышался лязг и скрип. Это открывались ворота. Машина вновь тронулась и проехала еще немного.

– Вытряхиваемся! – слышался голос Сукорюкина.

Новобранцы зашевелились на выход, перебираясь через скамьи.

Я перелез через борт кузова, спрыгнул на асфальт и с интересом закрутил головой по сторонам в ожидании увидеть знакомый пейзаж, но тщетно. Здесь все было ново для меня. Нас выгрузили возле серого здания со входом в виде массивной колоннады. Перед ней на высоком постаменте возвышается бюст какого-то военного деятеля в фуражке. Широкий прямой проезд от ворот контрольно-пропускного пункта уходит вглубь территории. По его сторонам деревья и стриженные газоны. За деревьями просматриваются какие-то строения.

Ничего узнаваемого. Может это еще не Сертолово? Хотя, нет! Вот они! Два четырехэтажных кирпичных дома за пределами военной части. Вижу их верхние этажи за высоким бетонным забором. Насколько я знаю эти дома еще довоен-

ной постройки. Да, это Сертолово-2.

Дома те же. Все остальное другое.

– Неужели это все мое! – с нарочитым восторгом выдохнул Вадик Павлов и широко раскинул руки.

В это время с неба раздается давящий уши свист, и над нами стремительно проносится странный объект. Он похож на огромного летающего жука со светящимися крыльями. Объект тормозит, затем резко взмывает и скрывается за облаками. Все это действие длится какие-то секунды.

– Оба-на! – восклицает кто-то из новобранцев. – Это же Стикс – новый уничтожитель типа «земля – космос» с плазменным движком! А я читал, что он только в проекте.

– Такие уже в натуре есть, – гордо заявляет Сукорюкин. – Они с режимного аэродрома под Всеволожском взлетают. Тут еще и не такое увидите.

– А что увидим? Что? – наперебой спрашивают новобранцы.

– Коня в пальто, – ухмыляется Сукорюкин. – Все, отставить разговоры!

Мимо нас проходит строй солдат. Они с любопытством косят на нас глазами. Я обратил внимание на их форму. Гимнастерки и штаны однотонного цвета хаки. На ногах сапоги-кирзачи. На плечах красные погоны. Ремни с бляхами. На головах пилотки. Никаких тебе изысков в виде пятнистой расцветки, кепок с козырьками и всяких там карманов и наклеек.

– Откуда воины? – спрашивает идущий рядом со строем лейтенант.

– Это крутые бойцы из Сибири, – отвечает Сукорюкин.

К Сукорюкину подходит высокий кругломордый младший сержант, перекидывается с ним словами, после чего строит нас в колонну по два.

«Сейчас в баню первым делом поведет», – решил я и не ошибся.

Путь в баню пролегает через ворота контрольно-пропускного пункта.

– Слесарчук! – крикнул вслед младшему сержанту Сукорюкин. – После бани веди их в роту!

– А баня с бассейном? – интересуется Вадик Павлов.

– Да. И с телками, – ухмыльнулся Роман.

– Разговоры в строю! – прикрикнул Слесарчук. – Шагаем в ногу! А раз! Раз! Раз, два, три. Левой! Левой, бля! Бараны! Да я вас задрочу на плацу! Четче шаг! Левой!

Баранами мы подошли к одноэтажному кирпичному зданию. Это баня.

В предбаннике с деревянными скамьями и кабинками для одежды сумрачно и сыро. Дневной свет с трудом проникает сюда через мутные рифленые стекла узких окон.

– Вещмешки оставляем здесь в углу, – приказывает Слесарчук. – Они вам больше не понадобятся.

– А жратва! Как же жратва! – возмущается Гоша Косицин.

– Я сказал! – прорычал Слесарчук. – Делаем, как я сказал!

Захожу в моечную. В ней широкие деревянные скамьи. На них серые оцинкованные тазы, скользкие мочалки и куски желтого мыла. Старые медные краны на кафельных стенах. Пар, плеск воды, голые лысые люди.

Смываю с себя пыль моего мира. Вместе с ней вода будто уносит память о нем, и он начинает казаться мне смутным сном.

Опрокидываю на себя пару тазов воды и выхожу в предбанник. Там через квадратный проем в стене ефрейтор южной национальности выдает форму.

– Размер? – коротко спрашивает он меня.

– Пятидесятый, сорок третий.

Ефрейтор выдает мне форму с сапогами и ремнем, темно синие семейные трусы, белую майку, пару портянок и полотенце.

– Следующий!

– Товарищ ефрейтор, а у меня в трусах дыра! – возмущенно крикнул кто-то из новобранцев.

– Большая? – спросил ефрейтор.

– Большая! На заду!

– Очень хорошо! Будешь гадить, не снимая трусов! Свободен!

Я оделся, присел на лавку, привычным движением намотал портянки и сунул ноги в сапоги.

– Все смотрим сюда! Буду показывать, как портянки наматывать. Стелим эту хрень на пол. Все видят? – Слесарчук

окинул строгим взором новобранцев. Его взгляд остановился на мне.

– А вы, что сидите, товарищ курсант?

– А все уже, – ухмыльнулся я.

– Что все? Засунул, как попало? Снимай!

Я сдернул сапог. У Слесарчука выпал глаз.

– Где учился?

– В обществе ДОСААФ, – снова нагло ухмыльнулся я и тут же подумал, а не сморозил ли чего лишнего.

– Как фамилия?

– Назаров.

– Курсант Назаров! Показывай всем!

Я провел урок по наматыванию портянок. Уже минут через десять этот процесс был освоен всеми новобранцами.

– Правильное наматывание портянок это основа боеспособности бойца, – пояснял при этом Слесарчук. – Неправильно наматываете и останетесь без ног. Боец без ног это не боец.

– А как же герой летчик Маресьев? – осторожно спросил Вадик Павлов.

– Что Маресьев? – нахмурился Слесарчук.

– Он без ног был. Прополз по лесам многие километры, а потом летал и бил врага. Без ног.

– Как фамилия?

– Павлов!

– Курсант Павлов! Вы тоже будете ползать километры

по лесу в полной боевой выкладке, если зададите еще раз идиотский вопрос. Всем на выход! Строиться!

Строем, громко топая вразнобой сапогами, мы возвращаемся к воротам части. Слесарчук заворачивает наш неровный строй с основного проезда направо к трехэтажному сурового облика зданию из красного кирпича. Это казарма. За ней среди деревьев просматривается еще одно точно такое же строение.

Возле входа в казарму несколько бойцов лениво красят в белый цвет бетонные бордюры.

– Слева по одному на второй этаж бегом марш! – командует Слесарчук.

На втором этаже нас встречает дневальный возле тумбочки. На тумбочке черный телефон. Широкий коридор. По его сторонам двери. Одна из них за железной черной решеткой.

Новобранцы бестолково топчутся в коридоре.

– Туда, – дневальный показывает глазами на открытый дверной проем в конце коридора.

За проемом просторное помещение, с рядами двухъярусных коек, разделенных широким проходом. Над проходом перекладина турника на металлических стойках с растяжками. Всего рядов коек четыре, по два с каждой стороны прохода. Перед койками массивные табуреты. Меж коек тумбочки. У противоположной от входа стены на металлической стойке панель телевизора. Над телевизором портреты Ленина и Сталина в золоченых рамах. В боковых стенах оконные

проемы, а меж ними портреты неизвестных мне личностей.

Это спальное помещение. В воздухе букет из запаха кирзы, хлорки и солдатского пота.

Здесь немногочленно. С десяток бойцов сидят на табуретах и дружно начищают бляхи.

– Курсант Андрусь! – гаркает Слесарчук.

Одна из дверей в коридоре распаивается. Из нее выскакивает круглолицый румяный боец.

– Андрусь, раздай пополнению фурнитуру и принадлежности.

– Есть!

Андрусь выдает каждому из нас по паре красных погон, петлицы, металлические эмблемы со звездочками и колосьями, красную звездочку на пилотку и прочую мелочевку для приведения формы в должный уставной порядок.

– Садись! – Слесарчук указывает на табуреты.

Для начала мы приступаем к подшивке подворотничков. Показывает технику подшивки с важным видом курсант Андрусь. Выясняется, что служит он уже две с лишним недели в должности, аж самого каптера роты.

Контролирует нас Слесарчук.

Для меня весь этот процесс отработан до автоматизма. Иголлка с ниткой просто летают в моих пальцах. Воротничок я пришил быстро и приступил к закреплению погон. Заканчиваю дела первым.

Надеваю гимнастерку.

– Что сидим, товарищ курсант? – уставился на меня Слесарчук.

– Все готово, товарищ гвардии сержант, – докладываю я, поднявшись с табуретки по стойке смирно.

Слесарчук недоверчиво осмотрел мою работу и удивленно уставился на меня.

– Курсант Назаров?

– Так точно!

– Быстрый вы, однако! Мне сообщили, что вы симулянт из дурдома. Это правда?

– Истинная правда, товарищ сержант!

– Это вас так в дурдоме подготовили к армии?

– Никак нет! Это внутреннее состояние. Я неожиданно почувствовал призвание к службе в вооруженных силах моей социалистической Родины!

– Ну, ну, – Слесарчук недоверчиво усмехается, пронизывая меня взглядом. – Если вы так, курсант Назаров, будете стрелять, как наматывать портянки и подшиваться, то у вас действительно природное призвание к воинской службе. Я беру вас в свое отделение.

– Будьте уверены. Я не подведу! – браво отвечаю я.

– Проконтролируйте процесс, – Слесарчук указывает на новобранцев. – Помогите при необходимости.

– Есть!

С моей помощью весь процесс заканчивается в пределах часа.

– В две шеренги становись! – скомандовал Слесарчук. – Рааавняйсь! Смирно! Напрааву! На выход бегом марш!

На улице он вновь построил нас в колонну по два, привел на плац, остановил на его краю и развернул в шеренги. На плацу около сотни бойцов нестройной толпой под руководством пяти сержантов пытаются изобразить строевой шаг. Получается плохо. Бойцы идут извилисто и в разнобой.

– Как бык поссал, – недовольно кривится здоровенный, как шкаф старший сержант с широкими лычками на погонах
– Пополнение привел! – докладывает ему Слесарчук.

Сержант – шкаф лениво подходит к нам. На его лице играет добродушная улыбка, но холодные глаза не предвещают ничего хорошего.

– Здорово, бойцы! – снисходительно ухмыляется он.

– Здра, жла.. товарищ... – слышались из нашей толпы неуверенные возгласы в его сторону.

– Хреново даже для первого раза, – морщится он. – Слушайте сюда! Я заместитель командира второй роты старший сержант Братухин! С этого дня я для вас царь и бог! Я буду приказывать, вы будете выполнять. Вам выпала честь проходить обучение воинскому мастерству в гвардейском мотострелковом полку имени Ленинского комсомола. Ваше обучение продлится полгода. Вас будут сношать здесь день и ночь, и вы станете настоящими воинами, способными выполнить любое задание Коммунистической партии и Советского правительства. По окончании учебки вам будет при-

своено звание младших сержантов, после чего вы будете направлены в войска Ленинградского военного округа. Вопросы есть?

Братухин окинул нас взглядом удава, смотрящего на кролика. Мы молчали.

– Вопросов нет, – кивнул он и обернулся на сержантов. – Командиры! Разбираем бойцов!

Нас распределили по взводам. Я, как и обещал мне Слесарчук, попал в его третье отделение четвертого взвода. Вместе со мной в это отделение попал Толя Кожура, Роман Дуров, Вадик Павлов и Гоша Косицын.

Мы вливаемся в строй.

–левой, левой! – командует Братухин. – Правое плечо вперед! Прямо!левой! Как бык поссал!

Стало жарко. Солнце подошло к зениту. День кажется мне бесконечно долгим. Еще бы! Разница во времени Красноярска и Ленинграда составляет четыре часа. Там уже дело шло к вечеру, а здесь только подходило к обеду.

Словно услышав мои мысли, Братухин смотрит на часы, затем уводит роту с плаца и останавливает ее строй у входа в одноэтажное кирпичное строение под двускатной металлической крышей. Это столовая.

– Рота, стой! Направу! На месте бегом марш! Слева в колонну по одному в столовую бегом марш!

Забегает в столовую. Здесь в большом зале расставлены ряды из десятков широких и длинных столов с деревянными

столешницами, крытыми клеенками. Вдоль столов деревянные лавки. На каждом столе по две больших алюминиевых кастрюли. Здесь же чайник, половник, миски, ложки, широкая чашка с хлебом. За каждым столом умещается по десять человек.

Большая часть столов уже занята бойцами из других рот.

Рассаживаемся во второй ряд. Сержанты занимают отдельный стол.

– Раздатчики пищи встать! – командует Братухин.

Раздатчиком пищи будет тот, кому удастся занять место на лавке посередине пятерки бойцов обращенных лицами на выход. У раздатчика есть преимущество. Он может подложить себе больше еды.

Не все раздатчики выполняют команду.

– Садись, бля! Хайлом не щелкать! Встают все раздатчики! Иначе на плацу пыль жрать будете! Раздатчики пищи встать!

Встают все.

– К приему пищи приступить!

Я осмотрительно забираю себе сразу три куска хлеба. Здесь не кафе-ресторан и тарелка с хлебом опустошается на раз-два.

Раздатчик разливает черпаком по мискам жидкий суп. Миски быстро опустошаются и наполняются из второй кастрюли перловой кашей с тушенкой. Поглощаем все очень быстро, но чай выпить не успеваем. Звучит голос Братухина:

– Рота! Заканчиваем прием пищи! Встать! На выход строиться бегом марш!

Мы бежим на выход. В дверях стоит Сукорюкин. Я догадываюсь, зачем он стоит здесь. Он отвесит последнему выбегающему бойцу пинка.

После столовой роту вновь погнали на плац.

– Левой! Левой! Выше ногу! Левой! Рота стой! Правую ногу поднять!

Все бойцы послушно поднимают правую ногу с вытянутой ступней.

– Стоим!

Проходит минута, другая. Некоторые курсанты начинают покачиваться, затем заваливаются на соседей. Строй колыхается.

– Опустить! Левую ногу поднять!

Вновь томительно тянутся секунды.

– Опустить! Вперед шагом арш! Левой! Левой! Правое плечо вперед!

После часа занятий на плацу роту делят по взводам. Наш четвертый взвод направляется в спортивный городок в глубине территории части. Здесь замкомвзвода он же командир первого отделения старший сержант Васильев проводит с нами занятия по силовой подготовке. По его команде мы поднимаем и опускаем гусеничные траки.

Васильев небольшого роста, но жилистый, сам легко и непринужденно орудует этой тяжелой железякой, глядя

на нас с усмешкой. Вместе с ним командиры отделений младшие сержанты Тимощенко и Слесарчук тоже с удовольствием кидают железо.

Здоровенный Кожура тяжело пыхтит. Вадик Павлов негромко матерится. Непрерывное издевательство на жаре с железом продолжается примерно час, затем Васильев прогоняет нас пару раз по беговой дорожке вокруг спортивного городка.

После спортгородка возвращаемся взводом на плац, где отрабатываем приемы одиночного строевого шага, поворотов и разворотов на месте. Советские строевые приемы не отличаются от Российских. Я вновь невольно проявляю свои армейские навыки и замечаю, как Слесарчук, глядя на меня, переговаривается с Васильевым.

– Курсант Назаров! – окликает меня Васильев.

– Я!

– Ко мне!

– Есть!

Бегом направляюсь к нему и как положено, за несколько шагов до него перехожу на чеканный строевой шаг. Останавливаюсь, вскидываю правую ладонь к пилотке и вытягиваюсь по стойке смирно.

– Товарищ гвардии старший сержант! Курсант Назаров по вашему приказанию прибыл!

– Вольно, курсант! У вас хорошо отработаны строевые приемы. Где научились?

– У меня в школе была пятерка по военной подготовке, – нагло заявил я и снова подумал, а не сморозил ли чего лишнего.

– Мне сообщили, что в обществе ДОСААФ вы тоже преуспели, – ехидно ухмыльнулся Васильев. – Особо в освоении процесса наматывания портянок.

– Так точно! Готовился к службе!

– А зачем в психушке скрывались?

– Я не скрывался! Наоборот! Хотел работать на секретном военном заводе и приносить пользу Родине! Но меня не взяли, повязали и отвезли в дурдом. Спасибо майору Хромченкову. Вызволил и направил в доблестные вооруженные силы! Служу Советскому Союзу!

– Мда, – промычал Васильев. – Курсант Назаров!

– Я!

– Продолжить занятия!

– Есть!

После строевой подготовки наш взвод до ужина подметал территорию возле клуба и красил бордюры.

Ужин. Снова каша перловка с тушенкой. Компот из сухофруктов.

После ужина мы, прибывшие сегодня новобранцы, учимся застилать кровати и складывать форму на табуреты. Основная задача в данном процессе это идеально ровно натянуть одеяло на матрас. Я знал процесс досконально, но решил на этот раз не выделяться и притворился новичком

в этом деле.

К девяти часам в спальном помещении собрался весь состав роты. Сержанты приказали курсантам выставить табуреты на центральный проход и сесть напротив телевизора для просмотра новостей.

С телевизора хлынула бравурная музыка. На экране появилась панорама кремля с птичьего полета и красная надпись «Время СССР».

– Здравствуйте товарищи! – произнес бодро хорошо поставленным голосом седовласый диктор в сером костюме. – Сегодня седьмое июня 2013 года. Генеральный секретарь коммунистической партии Союза Советских Социалистических Республик товарищ Сергей Николаевич Жуков встретился в ходе официального визита в Социалистическую республику Индия с председателем Индийской коммунистической партии...

Что? Меня аж вперед поддало к экрану. В Индии социализм? Во дела!

Я весь превратился в слух и зрение, жадно впитывая в себя каждое слово. В отличие от меня курсанты не обращали внимания на телевизор. Кто подшивал новый подворотничок, кто драил бляху, а иные просто спали.

Из этих новостей я узнал, что в СССР сегодня утром успешно проведен запуск беспилотного космического корабля с антигравитационным двигателем, что открывает необозримые перспективы к освоению космоса. Готовится

к пуску первый термоядерный реактор на стройке энергетической станции нового поколения в Свердловске, а в Красноярске введена первая экологически чистая линия по производству марганцевых ферросплавов.

От промышленности не отставало сельское хозяйство. Повсеместно растут удои молока, производство мяса, а своевременно проведенная посевная компания гарантирует богатый урожай зерновых культур.

Неуклонно повышается культурно-образовательный уровень братских советских народов. Растет количество библиотек, домов культуры и клубов на селе. Экран телевизора изобилует счастливыми лицами советских людей.

Судя по новостям в стране развитого социализма жизнь была ключом.

В отличие от СССР в странах гнивающего запада, судя по новостям, продолжался упадок со спадом производства, безработицей и духовной деградацией.

За всем этими новостями я не заметил, как прошел час.

– Рота! На вечернюю прогулку становись! – раздалась зычная команда со стороны двери.

Курсанты загрохотали табуретами, расчищая пространство для построения.

– Раавняйся! Смирно! Вольно! На выход бегом марш на улицу строиться!

Командовал вечерней прогулкой Сукорюкин. Он прогнал роту строем до плаца и обратно.

Снова забегаем наверх в расположение роты. Там нас встречает Братухин и строит на вечернюю поверку.

Толкотня. Шум. Вскоре в казарме воцаряется тишина.

– Раавняйсь! Смирно! Аатставить! – Братухин устремляет жесткий взгляд куда-то в дальний правый конец строя. – Ты что там дрыгаешься? Сношаешься что ли? Раавняйсь! Смирно! Первый взвод! Андрусь!

– Я!

– Деркач!

– Я!

– Пашаев!

– Я!

– Лауринавичус!

– Я!

Да уж. Я невольно повел глазами по сторонам. Судя по фамилиям, похоже, что рота тут интернациональная. Со всех концов Союза новобранцев свезли.

– Картбаев!

– Я!

– Тамашаускас!

– Я!

– Стымковский!

– Я!

– Павлов!

Однако же! Все народы СССР здесь в едином строю!

– Назаров!

– Я!

– Купа!

– Я!

– Шихман!

Я!

– Гюльмисарян!

Международный слет какой-то. Полный интернационал! Кого только тут нет. Русские, украинцы, белорусы, литовцы, таджики, армяне, молдаване... Все здесь.

И я тоже. Русский из параллельного мира. Зачем я здесь?

Проверка заканчивается и начинается развод в наряды.

Из нашего взвода четверо попадают в наряд по роте. В их числе Кожура. Я пока избегаю этой участи.

– Рота! Вольно! Для подготовки к отбою разойдись!

Строй рассыпается. Кто-то устало садится на табурет. Кто-то идет в сортир.

– Рота, отбой! – раздается команда ровно в одиннадцать часов.

Я быстро скидываю с себя форму, укладываю её на табурет, ставлю рядом с ним сапоги и ныряю под одеяло в ожидании, что вот сейчас начнется тренировка «Подъем – отбой».

Но нет. Обошлось. В роте постепенно наступает тишина. За окнами еще светло. Близится время белых ночей.

Глава 8

ОРУЖИЕ И СТРЕЛЬБЫ

Подъем в семь. Одеядло требуется откинуть на спинку койки. Форма одежды номер два (голый торс). Утренняя пробежка с зарядкой в спортивном городке. Посещение туалетной комнаты. Ледяная вода из-под крана ломит руки. До завтрака уборка территории. За нашим взводом закреплена площадь перед клубом. Подметаем асфальт.

Завтрак в восемь.

После завтрака строевая подготовка на плацу. Здесь мы знакомимся с офицерским составом роты.

Командир роты старший лейтенант Сенцов изложил перед строем свое видение воинской службы.

– Вас будут здесь нещадно сношать вот эти бравые бойцы, – он указывает рукой на сержантов. – А вы будете крепчать. Я буду лично контролировать процесс. Тяжело в учении, легко в бою. Так говорил наш великий полководец Суворов. А бои не за горами. Империалистический зверь загнан в угол, чувствует свой близкий конец и готовится к своей последней смертельной битве. Но враг будет разбит и победа будет за нами!

Сенцов потряс в воздухе массивным кулаком и выпятил

квадратную нижнюю челюсть, как бульдог, мрачно созерцающий поверженного противника.

– Вот так вот! – добавил он после непродолжительной паузы. – Братухин! Продолжайте сно... Продолжайте занятия!

После двух часов строевой подготовки наш взвод возвращается в расположение роты. Там пусто. Только дневальный стоит возле тумбочки, дежурный по роте сержант Кершис слоняется по коридору и два бойца тут же дряют полы.

Строимся.

– Сегодня мы проведем первое теоретическое занятие по огневой подготовке, – объявляет нам старший сержант Васильев. – Изучим устройство автомата АК-47М, а также освоим его неполную разборку и сборку. Раавняйсь! Смирно! Направу! За оружием в оружейную бегом марш!

Решетка перед дверью в оружейную комнату предусмотрительно открыта дежурным по роте. Всем взводом забегаем за дверь и озираемся по сторонам. В просторной комнате три зарешеченных окна. Вдоль стен деревянные стойки с оружием. На них ряды вертикально стоящих автоматов, несколько ручных пулеметов и гранатометов. Все это тускло блестит чернотой вороненой стали.

Расхватываем стволы. Возвращаемся.

С интересом рассматриваю автомат. И что тут модернизированного? Не вижу отличий от того оружия с которым служил в России. Все, то же самое. Разве, что приклад не деревянный, а из черного пластика.

Несколько курсантов выносят из каптерки шесть раскладных деревянных столов. Пять столов устанавливают в ряд в проходе вдоль коек. Шестой ставят отдельно по центру прохода. Каптер Андрусь рысцой выбегает из оружейной с автоматом в руках и кладет его на этот стол. К столу подходит командир второго отделения младший сержант Тимощенко.

– Строимся в ряд перед столами. Оружие кладем на столы стволом от себя магазином направо, – приказывает Васильев. – Тимощенко проводите занятие.

Мы выполняем указание Васильева. Тимощенко берет в руки автомат.

– Товарищи курсанты, перед вами автомат Калашникова АК-47М. Это самое лучшее и самое распространенное стрелковое оружие в мире, – важно произносит он. – За 60 лет было выпущено более 70 миллионов автоматов Калашникова различных модификаций. По мнению многих экспертов, автомат Калашникова является эталоном надёжности и простоты обслуживания. Главный конкурент автомата Калашникова – американская автоматическая винтовка М16 была произведена в количестве всего-то около 10 миллионов штук. Сегодня вы будете ознакомлены с устройством и принципами действия этого оружия, освоите неполную его разборку и сборку, а также научитесь правильно ухаживать за оружием. Содержание своего оружия в должном порядке это основа боеспособности воина. Итак, приступим.

Тимощенко рассказывает об устройстве автомата, подробно останавливаясь на каждой его детали. Мне все знакомо.

Я заскучал. Не терпится самому разобрать автомат, чтобы окончательно убедиться, что это практически та же самая модель оружия, с которой я служил в России.

Но Тимощенко не спешит перейти к практике и продолжает подавать теорию. Он рассказывает о системе прицеливания, переводе стрельбы одиночными в автоматический режим и еще несет какую-то пургу по технике безопасности.

Наконец теоретическая часть завершена.

– Вопросы есть? – спрашивает Тимощенко.

Вопросов нет, и мы переходим к практике – неполной сборке и разборке автомата.

– Делай как я, – говорит Тимощенко, ставит автомат вертикально прикладом на стол, отсоединяет магазин, затем перердериживает затвор и нажимает на курок. Все повторяют.

Тимощенко, что-то нудно объясняет. Проходит не одна минута, прежде чем он переходит к следующим действиям и вынимает пенал из приклада, отделяет шомпол и снимает крышку ствольной коробки.

Я повторяю вместе с курсантами его движения и машинально продолжаю процесс. Через десяток с небольшим секунд разобранный автомат лежит на столе передо мною. Тимощенко тем временем добрался в своих действиях с объяснениями только до возвратного механизма.

Я тупо стою перед автоматом и замечаю на себе острый

взгляд Васильева. Все это время он медленно прогуливался в стороне от нас вдоль ряда коек, а теперь остановился и смотрит на меня, как Мюллер на Штирлица.

Я вежливо улыбаюсь ему и пожимаю плечами.

Он подходит ко мне. Касается кончиком указательного пальца деталей автомата.

– Тоже все в школе проходил? – спрашивает.

– Так точно! – отвечаю.

– Собирай.

Я собрал автомат.

– Профессионально, однако. А на время за сколько сможешь?

– Не знаю. Секунд за тридцать.

Курсанты слышат наш разговор и с интересом косятся в нашу сторону. Тимощенко прерывает свои действия с объяснениями и подходит к нам.

– Что тут? – спрашивает.

– Курсант Назаров утверждает, что он крутой боец, – усмехается Васильев.

– Никак нет, товарищ старший сержант. Я этого не говорил. Мне еще многому надо учиться, – возражаю я.

– Отставить разговоры! – Васильев смотрит на часы. – Действуй по моей команде. Если соврал и не уложишься в тридцать секунд, то будет тебе три наряда вне очереди на скотный двор к свиньям. Понял?

– Так точно! А если уложусь? Увольнительная будет?

– Будет. На учебное поле. В окопы. Приготовиться! Внимание! Пошел!

Отделяю магазин. Передергиваю затвор. Нажимаю на курок. Руки работают на автомате.

Пенал выскакивает из приклада. Шомпол выбиваю ребром ладони. Крышка ствольной коробки, возвратный механизм, затворная рама...

– Бля, девять секунд, что ли? – слышу я удивленное бормотание Тимощенко, когда все части автомата разложены на столе.

Сборка. Собирать автомат сложнее, чем разбирать. Иногда случаются заминки. Бывает, как назло, какая-либо деталь никак не желает вставать на место.

На этот раз обошлось.

Присоединяю магазин и кладу автомат на стол.

– Сколько там? – спрашивает Тимощенко, заглядывая через плечо Васильева. Подходит Слесарчук.

– Что тут? – спрашивает.

– Сколько? Сколько? – нетерпеливо спрашивает Тимощенко.

– Двадцать пять общее время, – тупо отвечает Васильев и недоуменно смотрит на меня.

Все молчат.

– В школе так не учат, – уверенно произносит Васильев.

– Самоподготовка, – бодро объясняю я.

– Самоподготовка? У вас дома был личный автомат?

– Никак нет! Я в школе оставался после уроков.

– Допустим, что я вам поверил. А еще быстрее сможете?

– Потренируюсь и смогу, товарищ старший сержант! Готов служить отечеству!

– У нас примерно через пару месяцев состоится соревнования между ротами. Вы будете участвовать.

– Рад стараться!

– Стреляете?

– Так точно!

– Посмотрим, посмотрим. Тимощенко, продолжайте занятия. Назаров, при необходимости помогите курсантам в освоении оружия.

Я помог освоить оружие Кожуре, Дурову, Павлову и еще нескольким курсантам.

– Ты настоящий псих, – пробормотал Кожура, когда ловким касанием пальцев я помог отделить ему затвор от затворной рамы.

* * *

После обеда вновь топчем всей ротой плац. Затем до ужина наш взвод копает ямы для столбов под новый забор на северной окраине части.

Ужин.

Подготовка к завтрашнему дню.

Просмотр новостей.

Вечерняя прогулка.

Вечерняя поверка.

Развод в наряды.

Тренировка «отбой-подъем» примерно с полчаса.

Отбой.

* * *

На следующий день после завтрака всю роту погнали на стрельбище в полной боевой экипировке. На курсантах бронежилеты и каски. Автомат на плече. На левом боку в сумке противогаз. На ремне фляжка в матерчатом чехле и штык-нож.

Надо отметить, что бронежилеты и каски здесь легкие. Такое впечатление, что в них нет ни грамма металла.

Рота строем вышла за ворота и напрямиком направилась по грунтовой дороге через лес в южном направлении. Возглавлял роту сам старший лейтенант Сенцов.

Едва прошли по грунтовке пару сотен метров, как послышался голос Братухина:

– Рота! Расстегнуть воротничок и верхнюю пуговицу! Приготовиться к бегу!

Эта команда не предвещает никаких удовольствий. Разве, что радость мазохистам от изнурительного многокилометрового бега. Интересно, где тут стрельбище? Далеко? Судя по взятому направлению, я там уже бывал.

– Рота! Бегом марш!

Топот сапог. Пыль.

За четыре года я все же отвык от такого действия. Гражданка дает о себе знать. Но, ничего, бегу пока, хотя ноги тяжелеют понемногу. Становится жарко, и пот застилает глаза. Слышу вокруг хриплое дыхание.

Рота медленно растягивается по дороге подобно гигантской резинке на сотни метров.

– Не отставать! Не отставать! – орет Братухин. Он будто застоявшийся жеребец носится вдоль роты взад и вперед, подгоняя пинками отстающих бойцов. Ему помогают сержанты. Им хорошо. Они все налегке без оружия, бронежилетов и касок.

В спину мне пыхтит Гена Шихман из Одессы. Он плотной комплекции и ему приходится совсем несладко. Минута, другая и я не слышу его. Отстал.

Кожура держится чуть впереди меня. Вадик Павлов хрипло изрыгает матерную частушку. Весельчак, однако, в любой ситуации.

Километр, другой. Пересекаем асфальтированную трассу. Машины на трассе останавливаются перед бойцами с красными флажками в руках и пропускают роту. Бежим дальше.

Открытые ворота в решетчатом заборе. Рядом деревянная будка с бойцом.

Над воротами надпись «Учебный полигон».

За воротами асфальтированный проезд. Бежим по нему

еще с километр. По сторонам проезда поляны да перелески. Бойцы еле ноги волокут.

– Рота, шагом! – слышится команда.

Мы почти останавливаемся. Слышится шарканье сапог по асфальту.

– Шире шаг!

– Это писец полный, – тяжело выдыхает Кожура.

Дорога пошла на спуск. Справа от нее широкий и длинный водоем с песчаными берегами, а дальше за ним едва ли не до горизонта раскинулось поле.

– Эх, сейчас бы в этом озере освежиться, – мечтательно произносит Роман.

– Здесь военная техника освежается, – усмехаюсь я. – Впрочем, и бойцы тоже смогут освежиться, не раздеваясь, когда будут учиться преодолевать водные преграды. Нам это еще предстоит.

– А ты откуда знаешь? – Роман подозрительно косится на меня.

– Догадываюсь. Видишь следы от гусениц на песке?

– Аааа, даа, – кивает Роман. – Дедукция? Ты Шерлок Холмс?

Хмыкаю в ответ. Помню я это озеро. И поле это помню. Стрельбище здесь и танковый полигон.

Рота минует озеро. Справа от дороги раскинулось стрельбище. Далеко на горизонте виднеется темная кромка леса.

Братухин, останавливает роту вблизи одноэтажного кир-

пичного строения с остекленной вышкой. Это командный пункт стрельбища. Рядом с ним застыла в боевой готовности черная боевая машина пехоты. Сенцов с кем-то о чем-то коротко переговаривается по мобильнику, затем спешно с группой офицеров проходит внутрь командного пункта. Двое курсантов из первого взвода вместе с Сукорюкиным подходят к машине и выгружают из нее несколько цинковых ящиков с патронами.

– Рота разойдись! – командует Братухин. – Мы резво бросаемся в стороны. Так надо. Если разойтись медленно, то Братухин заставит строиться вновь раз за разом, пока команда не будет выполнена в должном темпе.

Несколько минут топчемся на месте, пока не звучат команды повзводных построений.

Васильев уводит наш взвод на правый фланг стрельбища. Кожура и Косицин несут цинк с патронами.

Останавливаемся по команде.

– Слушай меня внимательно, – говорит Васильев. – Сегодня стреляем одиночными из окопа по неподвижной мишени. Мишень поднимается на пять секунд. За это время вам надо выстрелить на поражение. Одна мишень – один выстрел. Дистанция стрельбы сто пятьдесят метров. Количество выстрелов – три. Все делаем четко и только по моей команде. Всё ясно?

– Так точно! – дружно отвечаем мы.

– Первое отделение – товсь. Курсант Асанов!

– Я!

– За мной на огневую позицию бегом марш!

Минут через пять над полем звучат одиночные выстрелы.

Пока очередники стреляют, Слесарчук рассказывает остальным курсантам взвода устройство кумулятивной противотанковой гранаты под названием «Одуванчик». Эта граната представляет собой массивную болванку с ручкой и напоминает собой большую толкушку для картофельного пюре. После изучения гранаты на смену Слесарчуку приходит Тимощенко и доводит до нас тактико-технические характеристики гранатомета «Шершень». Этот гранатомет способен поражать наземные и воздушные цели на расстоянии до пятисот метров и пробивать броню толщиной до 700 миллиметров.

Справа сквозь трескотню выстрелов слышен нарастающий свистящий звук. Все невольно поворачивают на него головы. Там вдоль берега озера несется черный танк. Несется, так, будто летит. Все во взводе, как замороженные смотрят на него. Даже Тимощенко замолчал.

Танк круто поворачивает к озеру и на скорости всем своим корпусом вспарывает воду. Вода взрывается крутой волной с каскадом высоких брызг, накрывая собой танк с башней. Озеро успокаивается, но уже через десяток секунд вздувается бугром у другого берега. Танк на той же скорости вырывается из воды, стремительно въезжает на крутой откос, резко останавливается и разворачивает башню в нашу сто-

рону.

– Ахереть! – невольно вырывается у кого-то из курсантов. Тимощенко понимающе кивает и довольно усмехается.

– Ты был прав, псих, – бормочет мне Кожура. – Здесь крутая купальня для танков.

– Курсант Назаров! На огневую позицию бегом марш! – слышу я голос Васильева.

Бегу в окоп. Сдергиваю с плеча автомат.

– Заряжай, – Васильев вручает мне три патрона.

Отсоединяю магазин. Заряжаю. Устанавливаю оружие на одиночную стрельбу, ставлю левый локоть на бруствер, укладываю цевье автомата на левую ладонь и прижимаю приклад к плечу. Докладываю:

– Курсант Назаров к стрельбе готов.

– Огонь, – командует Васильев.

Поднимается мишень в форме силуэта человеческой фигуры. Она едва заметна на фоне буро-зеленого пейзажа стрельбища.

Прицеливаюсь. Секунда, другая. Плавно нажимаю на курок.

Мишень падает.

– Есть одна, – комментирует Васильев.

Так же успешно поражаю остальные мишени.

– Курсант Назаров стрельбу закончил.

– Не соврал, – ухмыляется Васильев. – Стреляешь влет.

Сомневаюсь я, что ты в школе и этому обучился.

– Талант у меня. Талант врожденный, товарищ старший сержант. Я же говорил вам. Талант и призвание.

– Талант, говоришь? Посмотрим, поглядим, как ты на ходу подвижные мишени косить будешь. А теперь пошел вон! На исходную бегом марш!

Я возвращаюсь в строй взвода.

По окончании стрельб Васильев зачитал нам оценки.

Только двое из взвода поразили все мишени и получили оценки отлично. Это курсант из Никополя Стас Стымковский и, естественно, я. Четверо поразили по две мишени. Семь по одной, в том числе Кожура. Остальные пустили пули в «молоко».

– Хреново, – подвел итог Васильев. – Надо тренироваться. Стрельбы проводятся два раза в неделю с усложнением задания. Отличники стрельбы возвращаются в часть на борту БМП. Остальные – бегом. Это чтобы стимул к учебе был. Назаров! Стымковский! К машине! Остальные направо! Бегом марш!

Кроме нас двоих в БМП набилось еще восемь отличников стрельбы из других взводов. Расселись на лавках вдоль бортов.

Здесь душно и жарко. Воняло соляжкой. Но все же ехать лучше, чем бежать под палящим солнцем. Да и почетней.

Глава 9

ПОЛКОВНИК ЗВЕРЕВ

День за днем потянулись непростые армейские будни.

За это время я успел пару раз побывать в наряде по роте и один раз по столовой.

На стрельбище бегали всей ротой по вторникам и пятницам. Еще пару раз стреляли из окопа по неподвижным мишеням, затем задача усложнилась. Теперь уже три подвижные мишени являли себя сразу одновременно. Они медленно двигались в сторону. На их поражение давалось всего-то ничего – двенадцать секунд. А стреляли по-прежнему одиночными.

Надо признать, я стрелял успешно и всякий раз возвращался в часть на борту бронемашин.

Ежедневно мы занимались в спортивном городке, где помимо силовых упражнений с гусеничными траками, тренировались на турниках, шведских стенках, канатах и прочих приспособлениях для развития ловкости и координации движений. После спортивного городка нас прогоняли по многу раз через полосу препятствий со всеми её барьерами, ямами с водой, крутыми лестницами, скользкими бревнами и колючей проволокой.

Курсанты заметно окрепли. Их бледные еще до недавнего времени физиономии покрылись бронзовым загаром, а упитанный Гена Шихман потерял в своей комплекции более десяти кило.

Каждый день посещали плац.

По вечерам зубрили устав.

Два раза в неделю занимались на учебном поле, где имитировали оборону от условного противника, атаку на укрепления и штурм населенного пункта.

Однажды хмурым дождливым днем мы выдвинулись на это учебное поле во главе со Слесарчуком.

Со стороны Финского залива дул пронизывающий холодный ветер. На поле было сыро и грязно.

Слесарчук пару раз развернул нас в цепь. Хорошо помесив сапогами влажную глину, на ура мы взяли окопы условного противника. Меж тем погода совсем испортилась, и хлынул проливной дождь.

– Ну, нах! – махнул рукой Слесарчук. – Переждем под навесом.

– Навес здесь на кромке учебного поля был сооружен для проверяющего начальства из штаба дивизии. Под навесом стояли скамьи, а сам он размещался на взгорке, с которого обзревало все учебное поле.

Мы ринулись под навес. Но едва расселись по скамейкам, и Вадик Павлов приступил было к рассказам анекдотов, как послышался звук мотора и к нам лихо подрулил малый ко-

лесный бронированный вездеход модификации «Скиф».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.